18+

Танюша Логинова

Выбор Веры

Танюша Логинова
Выбор Веры

https://litres.ru/74210283
ISBN 9785007032810

Аннотация

Что, если после укуса вампира вы не умрёте и не станете чудовищем, а застрянете между мирами, как сломанная кукла? Вера Тереховская — преподаватель, которая всю жизнь была жертвой. Теперь она дампир: слишком сильная для людей, слишком человечная для монстров. Её хотят убить, обратить или использовать как оружие. Эта книга для тех, кто любит мрачную романтику и сильных женщин.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Проклятая ночь 5
Глава 2. Прах и Соль 17
Глава 3. Тени Полдня 23
Глава 4. Ночь сомнений 31
Глава 5. Обычный понедельник 38
Глава 6. Дорога к бабушке 44
Глава 7. Исповедь в полумраке 51
Глава 8. Страницы прошлого 56
Глава 9. Тени прошлого 63
Глава 10. Утро после ночи 69
Глава 11. Квартира с призраками 79
Глава 12. Новая Вера 91
Глава 13. Нирвана 104
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Выбор Веры

Танюша Логинова

Редактор Анна Кулагина

© Танюша Логинова, 2026

ISBN 978-5-0070-3281-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Проклятая ночь

Музыка в клубе гудела низким басом, пропитывая стены, пол, даже воздух — казалось, будто само время здесь пульсировало в такт синтетическому биту, отсчитывая секунды до того, как её жизнь разделится на «до» и «после». Вера сидела на барном стуле, слегка покачиваясь, её пальцы вяло обхватывали стакан с остатками какого-то ярко-розового коктейля. Сахарный сироп прилип к губам, но она уже не чувствовала его вкуса — только устойчивый привкус дешёвой водки, которой Дима щедро сдабривал ее напитки, чтобы «поднять настроение».

Она знала, что выглядит нелепо.

Её тело — мягкое, округлое, с животиком, который не прятался даже под чёрным платьем с «утягивающим» эффектом — явно не вписывалось в этот мир подтянутых бёдер и плоских животов. Русые волосы, дома аккуратно собранные в пучок, уже растрепались, и несколько прядей прилипли к шее. Тушь давно расплылась, но она не стала поправлять макияж. Зачем? Всё равно никто не смотрел.

Сначала было весело.

Алкоголь разлился по венам тёплыми волнами, смывая на час-другой горечь развода, одиночества, ощущения, что жизнь прошла где-то мимо. Она даже танцевала — нелепо, неуклюже, но Дима смеялся, подбадривал, кричал что-то над

ухом про то, что «всё только начинается».

Но потом эйфория схлынула.

Как только она остановилась, мир вокруг резко стал слишком реальным.

Слишком громким. Слишком ярким. Слишком чужим.

В зеркале за стойкой бара мелькали отражения — стройные ноги в ботфортах, обнажённые плечи, накачанные торсы. Кто-то целовался в углу, кто-то заливисто хохотал, кто-то заказывал бутылки за несколько тысяч рублей. А она сидела здесь, тридцатипятилетняя, с растяжками на бёдрах и кредитом за маленькую однушку, и вдруг осознала:

Она здесь лишняя.

Не просто некрасивая. Не просто старая.

Ненужная.

— Вер, ты чего загрустила? — Дима потянул её за руку, но его пальцы скользнули по её потной ладони. — Пошли ещё выпьем!

Она покачала головой.

— Я… выйду. Просто подышать.

Не слушая его ответа, она сползла со стула и зашагала к выходу, протискиваясь между телами. Кто-то толкнул её плечом, кто-то бросил вслед: «Женщина, осторожнее!»

На улице свежий воздух ударил в лицо, и Вера вдруг поняла, что её тошнит. Не только от алкоголя. От всего. От себя самой. Она сделала несколько шагов, шлепая неудобными каблуками по асфальту. Туфли, которые днем казались эле-

гантными, теперь впивались в распухшие щиколотки и норовили соскочить. Голова кружилась, земля плыла под ногами. Она споткнулась о стык плиток, едва не упала, и тут поняла: так она не дойдет. С проклятием (про себя, ибо сил кричать не было) она нагнулась, сдернула одну туфлю, потом другую. Холодный асфальт тут же обжег подошвы, но это было лучше, чем эта пытка. Зажав каблуки в одной потной руке, она побрела дальше, держась.

Мысли Веры были густой, липкой кашей. Алкогольный туман не рассеивался, а лишь сгущался, превращая сознание в болото, где тонули обрывки фраз, страхов, воспоминаний о сегодняшнем вечере. «Слава богу… близко дом… туфли… чёртовы каблуки…» — эти мысли кружили, как пьяные мухи, не складываясь в цельную картину. Каждый шаг отдавался тупой болью в висках. Руки взмахивали неуклюже, будто она пыталась отогнать невидимых ос или просто удержать равновесие в этом качающемся мире. Она бормотала что-то несвязное о Диме, о глупом платье, о том, как все вокруг красивее и моложе.

Несчастная. Жалкая. Одна.

Эти слова пульсировали в такт шагам, сливаясь с мерзким привкусом дешевой водки и тошноты, подкатывающей к горлу. Она не заметила, что тротуары сменились разбитыми дорожками, знакомые фасады — глухими стенами гаражей. Мир сузился до ближайшего фонаря, до пятна света, в котором кружилась пыль, и до собственного хриплого дыхания.

Внезапно, как удар тупым предметом, пришло осознание: незнакомый двор. Гаражи стояли как чужие, зловещие монстры. Она остановилась, пошатнулась, пытаясь впиться взглядом в темноту. Голова тяжело повернулась. И вдруг — фигура. Вдалеке. Мужчина. Идет следом.

Сердце ёкнуло, но мысль была вязкой, медленной. «Идет… Ну и пусть… Дорога общая…» Она двинулась дальше, ускорив шаг насколько позволяли ватные ноги и кружащаяся голова. Алкоголь притупил страх, превратив его в смутную тревогу где-то на периферии сознания. Через несколько шагов — еще один поворот головы. Рефлекторный.

Ближе.

Значительно ближе. Не просто приблизился — он сократил расстояние так, как будто перешагнул через пространство. Алкогольная каша в голове взбурлила. «Не… не может быть… как?» Логика, и без того подкошенная выпивкой, сдалась окончательно. Остался только примитивный, животный сигнал: ОПАСНОСТЬ!

Вера рванула вперед. Босые ступни шлепали по асфальту, холодный ветер бил в лицо, но не протрезвлял, а лишь усиливал панику. Дыхание стало хриплым, свистящим. Она метнулась в первый попавшийся узкий проход между гаражами — темный, пахнущий затхлостью и мочой. Переулок. Спрятаться…

И врезалась во что-то твердое, холодное. Отшатнулась,

едва не упав. Перед ней стоял он. Тот самый парень. Теперь — в метре. Лицо в тени, но она разглядела: молодое, незначительное, самое обычное. Ничего запоминающегося. Кроме глаз. В полумраке они казались слишком темными, слишком… голодными.

Паника, сжатая до этого момента где-то в груди, вырвалась наружу. «Грабитель! Маньяк!» — пронеслось в голове, единственная связная мысль за последние минуты. Тошнота подкатила с новой силой. Руки дрожали, пальцы судорожно копошились в дешевой сумочке.

— Возьми! Вот! Всё! — ее голос сорвался на визгливый шепот. Она вытряхнула кошелек, телефон, ключи с дурацкой феей на брелоке. — Деньги… телефон… только не трогай! Пожалуйста!

Она запричитала, молящим, пьяным, совершенно жалким тоном. — Я старая… толстая… тебе не надо меня… возьми деньги и уйди!

Вера видела его лицо, но выражение было чужим, нечитаемым. Черты плыли, как в дурном сне. Она ждала удара, ножа, грубости. Готова была упасть на колени в эту грязь, лишь бы он ушел.

И тогда он улыбнулся.

Не злая ухмылка грабителя. Не садистская усмешка маньяка. Что-то другое. Холодное. Искренне… мерзкое. Улыбка, не имеющая ничего общего с человеческой радостью. В ней была лишь голодная, хищная уверенность.

Вера замерла. Весь мир сузился до этой улыбки и до внезапного, невыносимо острого ощущения холода, исходившего от него. Алкогольная пелена на миг как будто разорвалась, обнажив чистый, первобытный ужас. Ее рот открылся, чтобы закричать, но звук застрял в горле.

Он двинулся. Не шагнул — всплыл вперед, с нечеловеческой плавностью. Его руки, сильные и ледяные, как мрамор из склепа, впились в ее плечи. Прикосновение парализовало, отвратительной волной прокатившись по телу. Он притянул ее, грубо, безжалостно. Запах — пыльный, затхлый, с металлическим привкусом старой крови. Его лицо приникло к ее шее. Холодное дыхание обожгло кожу.

Боль. Острая, жгучая, словно в шею вонзили раскаленный клинок. Мир померк. Но хуже боли было ощущение: не просто прокол кожи, а глубокое, интимное вторжение. Холодный рот на горле. Влажный, причмокивающий звук, громкий в тишине переулка. И страшное, необратимое вытягивание. Теплая, жидкая сила — ее жизнь, смешанная с дешевым коктейлем, тоской и пОтом — высасывалась из самой глубины. Кровь. Он пил ее кровь. Сознание Веры, уже висевшее на волоске, начало рваться, погружаясь в ледяную бездну, где не было ничего, кроме этого мерзкого звука и нарастающего холода изнутри.

И вдруг…

ВВАААААУ-ВВАААААУ-ВВАААААУ!

Резкий, оглушительный, пронзительный вой автомобиль-

ной сигнализации разорвал ночь, как нож рвет гнилую ткань. Яркие, белые вспышки фар залили грязные стены гаражей и переулок ослепительно-резким светом! Моргая в такт вою, они превратили мрак в безумный стробоскоп.

Вампир вздрогнул так сильно, что его челюсти на миг разжались. Нечеловеческий, шипящий звук вырвался из его горла — не крик, а скорее яростное рычание существа, потревоженного во время трапезы. Его темные, голодные глаза метнулись к источнику шума… В них мелькнуло не испуг, а яростное раздражение хищника, сорванного с добычи. Этот звук… этот свет… Они ворвались в его древний ритуал как пьяные матросы в храм!

— ЗАТКНИТЕСЬ ТАМ, БЛ@ТЬ!!! — донесся из темноты верхнего этажа соседнего дома хриплый, сонный, но исполненный чисто бытовой ярости крик. — СПАТЬ МЕШАЕТЕ!!!

Контраст был нелеп и чудовищен. Только что — мистическая жуть, древнее чудовище у горла. А теперь — вой сигналки, как на помойке за ТЦ, и матерный вопль сонного мужика из хрущевки… Мир обыденности грубо ворвался в кошмар.

Вампир резко отдернулся от Веры. На его губах, в моргающем свете фар, алым блеснула капля ее крови. Он посмотрел на полубесчувственную женщину в своих руках, затем — на воющую машину, потом — вверх, на окно, откуда донесся крик. На его невыразительном лице застыла гримаса чистой,

немой досады. Ни страха, ни паники — лишь ярость нарушенного сакрального акта и понимание, что момент упущен. Шум привлекал внимание, которого он явно не хотел.

Он так и не произнес ни слова. Лишь бросил на Веру последний, голодный взгляд. И растворился. Не убежал — растаял, как дым в щели, исчезнув в темноте меж гаражами между двумя вспышками фар. Остался только запах затхлости, да капля крови на холодном асфальте.

Вера рухнула на землю, как подкошенная. Боль в шее пылала огнем, но странным образом отдалялась, как сквозь толщу воды. Вой сигнализации бил по барабанным перепонкам, сливаясь с бешеным стуком ее сердца. Моргающий свет резал глаза. Крики сверху казались из другого мира. Она лежала в грязи, истекая кровью и остатками достоинства, на грани обморока, но живая. Живая благодаря старой машине с глючной сигналкой и сварливому соседу. Ирония была такой же грязной и горькой, как асфальт под ее щекой. Мир снова показал ей свое лицо — отвратительное, абсурдное, но на этот раз — спасительное. Темнота сгущалась на краях зрения, унося с собой и ужас, и вой сигнализации, и матерный крик, оставляя только леденящий холод в самой сердцевине.

Вой сигнализации казался приглушенным, доносящимся сквозь толстый слой ваты, которой было забито все вокруг. Но он был маяком, криком реальности, который выдернул ее из пасти чистой мистической жути. Живая. Она была жива. Это осознание ударило слабым током по отключенному

мозгу.

Но цена… О, цена была ужасна.

Боль в шее не утихала, она пульсировала — горячими, ядовитыми волнами, расходящимися от двух маленьких, но невероятно глубоких ран. Холод. Ледяной, пронизывающий до костей, изнуряющий холод из самой сердцевины ее существа. Он противостоял жжению в шее, создавая невыносимый контраст: огонь в месте укуса и ледяная смерть, ползущая по венам.

Яд. Мысль была туманной, отдаленной. Не просто кровопотеря. В ее кровь вошло что-то… чужое. Нечто темное, липкое, живое, что теперь разливалось по ее сосудам, отравляя каждую клеточку. Она чувствовала, как оно двигается внутри, холодными щупальцами, парализуя, высасывая последние силы. Жжение под кожей, словно миллионы иголок изо льда колют ее изнутри.

Двигайся! Ползи!

Инстинкт самосохранения, заглушенный алкоголем и шоком, забился под грудной клеткой как пойманная птица. Она не смогла встать. Ноги были ватными, не слушались. Руки дрожали так, что едва держали вес верхней части тела. Она упала на четвереньки, потом поползла. Ползла, как раздавленное насекомое, по холодному, грязному асфальту переулка. Каждое движение отзывалось огненной болью в шее и ледяной дрожью во всем теле. Ее дыхание было хриплым, прерывистым, каждый вдох обжигал легкие. Мир вокруг ка-

чался и двоился — гаражи плыли, сливаясь в темные пятна, редкие фонари превращались в расплывчатые световые шары.

Умираю… — пронеслось в спутанном сознании. Не мысль, а ощущение. Ощущение того, как жизнь утекает вместе с кровью, пропитывающей платье. Страх перед маньяком сменился более глубоким, первобытным ужасом — перед тем, что творилось внутри нее.

И тогда она ее увидела. Небольшую, старую кирпичную часовенку, притулившуюся в конце ряда гаражей, словно забытую временем. Окна были темными, но дверь… дверь стояла приоткрытой. Настежь. Как приглашение.

Спасение…

Вера не думала. Она просто ползла к этому темному прямоугольнику двери, как тонущий к берегу. Каждый метр давался нечеловеческим усилием. Холод внутри сковывал мышцы, яд жёг вены, жажда… Жажда стала невыносимой, сухой, выжигающей горло. Кровопотеря. Тело требовало жидкости, любой жидкости, чтобы восполнить утраченное.

Она вползла внутрь, перевалившись через порог. Запах пыли, воска и старого дерева ударил в нос. Темнота была густой, почти осязаемой, лишь слабый свет от уличного фонаря падал косыми лучами через открытую дверь, выхватывая скромный алтарь впереди. Тишина часовни оглушала.

Вера рухнула на каменный пол, едва не теряя сознание от боли и слабости. Жажда выжигала горло изнутри. Язык при-

липал к нёбу, словно обернутый сухой тряпкой. Ее взгляд, безумный, отчаянный, метнулся по полу. И остановился.

У самого основания алтаря, в нише, стояла небольшая, простая каменная купель. И в ней… вода. Чистая, спокойная, отражающая слабый свет.

Не раздумывая, Вера поползла к купели. Инстинкт был сильнее веры, сильнее разума. Жажда выживания, физиологическая потребность заглушила все. Она добралась, судорожно ухватилась за холодный край камня.

Она зачерпнула воду ладонями. Святая вода? Возможно. Но для нее сейчас это была просто ЖИДКОСТЬ. Спасение от невыносимой сухости и жажды. Она жадно, с хлюпающими звуками, как умирающая в пустыне, поднесла ладони ко рту и стала пить.

Первые глотки принесли… мучительное облегчение. Прохладная влага коснулась пересохшего горла. На миг показалось — ад внутри чуть ослабел.

Но это была лишь иллюзия, короткая передышка перед новой атакой.

Жжение вспыхнуло почти сразу. Не в горле — глубже. Словно проглотила не воду, а раскаленную иглу, пронзившую все нутро. Оно потекло по пищеводу обжигая все на своем пути. И встретилось с тем холодным, чужеродным ядом, что уже разливался по ее венам.

Конфликт был мгновенным и жестоким.

Святая вода и вампирский яд вступили в войну прямо

внутри ее тела. Жжение под кожей, которое было терпимым, вспыхнуло с невиданной силой, превратившись в огненную бурю. Казалось, ее вены буквально кипят от контакта двух несовместимых сущностей. Холод яда ответил пронзительной, костной ломотой, будто все суставы выворачивали наизнанку. Она вскрикнула, но крик превратился в хриплый, беззвучный стон.

Ей стало не просто хуже. Ей стало невыносимо.

Она отшатнулась от купели, опрокинувшись на спину. Вода, разлитая вокруг, казалась ей теперь не спасением, а ядом. Тело сотрясали судороги — то жаркие волны огня, то ледяные спазмы холода. Сознание, и так висевшее на волоске, начало рваться, как тонкая ткань. Темнота часовни сгущалась, наступала, поглощая слабый свет из двери. Звуки — ее собственное хрипение, тиканье старых часов где-то в углу — отдалялись, становились приглушенными, как будто кто-то наливал воду ей в уши.

Последнее, что она осознала перед тем, как тьма окончательно накрыла ее с головой — это парадоксальная, жуткая мысль, проскользнувшая сквозь боль и хаос:

Божье место… а внутри меня… теперь живет Дьявол…

И все. Сознание погасло. Тело Веры, изуродованное укусом, отравленное чужим ядом и опаленное святыней, обмякло на холодном каменном полу заброшенной часовни. Только слабый, хриплый выдох вырвался из ее губ, затерявшись в пыльной тишине. Темнота стала абсолютной.

Глава 2. Прах и Соль

Сознание вернулось не вспышкой, а медленным, мучительным всплытием со дна ледяного озера. Вера открыла глаза. Полумрак. Пыльные лучи слабого, предрассветного света пробивались сквозь грязное оконце часовни, выхватывая парящие в воздухе пылинки и грубые контуры скамеек. Она лежала на холодном каменном полу, тело — одна сплошная ноющая боль.

Жива.

Это осознание пришло без радости. Оно было тяжелым, как камень на груди. Жива, но как? Каждая клетка кричала о насилии. Шея пылала адским огнем — две точки входа, глубокие, воспаленные, пульсирующие с каждым ударом сердца. Холодный яд, впрыснутый вампирскими клыками, не исчез. Он затих, словно притаился, но ощущался — ледяной осадок в венах. Озноб сотрясал ее с ног до головы, зубы выбивали дробь.

Алкоголь… Алкоголь вышел. Полностью. Осталась только сухая, пугающая ясность похмелья, умноженная на травму и отравление. Голова гудела, но не от пьяного тумана, а от перегрузки боли и ужаса. Мысли были острыми, как осколки стекла, но хаотичными. Картины ночи — клуб, дворы, переулок, лицо, улыбка, боль — вспыхивали обрывками, и мозг отчаянно пытался оттолкнуть их, объявить бредом, страш-

ным сном.

Не было. Этого не было.

Но тело не лгало. Боль в шее была слишком реальной. Синяки на плечах от ледяных пальцев проступали сине-багровыми пятнами. Платье — то самое черное, «утягивающее» — было порвано у плеча, испачкано грязью, запекшейся кровью и… чем-то еще, темным и липким, возможно, подтеком от разлитой святой воды или ее собственной слюной. Туфлей не было. Босые ступни были исцарапаны, в синяках и засохшей грязи.

С трудом, с тихим стоном, вырвавшимся сквозь пересохшие, потрескавшиеся губы, Вера поднялась на локти. Мир закачался. Голова закружилась так сильно, что ее едва не вырвало прямо на каменные плиты. Она глубоко, судорожно вдохнула пыльный воздух часовни. Запах воска и старости теперь казался не успокаивающим, а удушающим. Надо было уходить. Отсюда. От этого места, где она чуть не умерла, где выпила святую воду и почувствовала, как ее внутренности горят от конфликта святости и скверны.

Вера попыталась встать. Ноги не гнулись, как деревянные колодки, мышцы одеревенели от холода и напряжения. Она оперлась о стену, чувствуя шершавость старого кирпича под ладонью. Каждый шаг к открытой двери давался ценой невероятного усилия. Она шаталась, как после тяжелой болезни, едва волоча ноги. Предрассветный воздух снаружи был холодным и влажным, но по сравнению со льдом внутри он по-

казался почти теплым. Она жадно вдохнула его, но это не помогло — легкие сжались спазмом, вызвав короткий, хриплый кашель.

И тут ее взгляд упал на какую-то тряпку, валявшуюся у порога часовни. Ее сумочка. Вера наклонилась, едва не падая, и подняла ее. Кошелек, ключи… ключи с глупой феей… телефон с потрескавшимся экраном — все было на месте. Абсурд. Ему нужна была только ее кровь, ее жизнь.

Она осмотрелась. И сердце екнуло, на этот раз — от странного, горького узнавания. Эти гаражи… этот двор… Она знала это место. Была здесь. Очень давно. Сквозь туман боли и шока прорвался обрывок памяти: бабушка, теплая рука в ее маленькой ладошке, они идут куда-то… Бабушка что-то рассказывает, указывая на часовенку. Что именно? Голос бабушки был теплым, но в нем звучала… предостерегающая нотка? Напоминание? Предупреждение? Смысл ускользал, как дым. Осталось только смутное ощущение чего-то важного и забытого, связанного с этим кирпичным убежищем. Зачем она открыта? Кто ее содержит?

Но думать было некогда. Тело требовало одного: дома. Тепла. Безопасности. Она потащилась вдоль гаражей, опираясь на стены, спотыкаясь на каждом неровном плитке тротуара. Рассвет еще не наступил, но тьма уже была не такой абсолютной. На востоке, за крышами домов, небо начало светлеть — грязно-серое, безрадостное. И тут она увидела знакомый контур пятиэтажки. Свою пятиэтажку. Только со

стороны задних дворов, с незнакомого ракурса. Она была совсем рядом. До дома — пять минут ходьбы в трезвом состоянии. В ее состоянии — вечность.

Дорога домой превратилась в пытку. Каждый шаг отзывался болью в шее и глухим гулом в голове. Озноб не проходил, ее трясло так, что зубы стучали. Мир вокруг был пуст и безмолвен, предрассветное затишье. Но ей чудилось, что из каждой тени за ней следят голодные глаза. Что холодное дыхание вот-вот коснется ее шеи сзади. Память снова пыталась выстроить барьер: не было вампира. Пьяный бред. Напал грабитель, покусал, испугала сигнализация… Но воспаленные точки на шее, ледяной осадок в крови и абсолютная, животная чуждость собственного тела кричали обратное. Было. Все было.

Она доплелась до своего подъезда. Замок на двери сработал с привычным щелчком, но в тишине он прозвучал как выстрел. Лестница показалась Эверестом. Она карабкалась на четвертый этаж, хватаясь за липкие перила, останавливаясь на каждой площадке, чтобы перевести дух и подавить подкатывающую тошноту. Наконец — родная, облезлая дверь с номером 47. Руки тряслись так, что она едва вставила ключ. Щелчок замка. Вход в крошечную прихожую. Запах затхлости, пыли и одиночества.

Она не стала включать свет в прихожей. Пробралась в ванную, щелкнула выключателем. Яркий свет лампочки над зеркалом ударил по глазам. И тогда она увидела себя.

Отражение в зеркале было чужим. Лицо — мертвенно-бледное, с сероватым оттенком, как у тяжелобольного. Глаза — запавшие, с огромными темными кругами, зрачки расширены от боли и шока. Волосы — грязный, спутанный комок с прилипшими листьями и грязью. Платье — порванное, грязное, с бурыми пятнами крови на воротнике и плече. И шея… На бледной коже шеи зияли два четких, темно-багровых, воспаленных прокола. Они выглядели чужеродно, как клеймо. Знак. Доказательство кошмара.

Вера отвернулась. Быстро, почти истерично, дернула тумблер душа. Холодная вода (горячую она не вынесла бы) хлынула на нее, смывая грязь, кровь, пот ночного ужаса. Она терла кожу мочалкой, пока не стало больно, пытаясь стереть не только грязь, но и ощущение ледяных рук на плечах, и влажный звук причмокивания, и запах склепа. Но холод внутри, яд в крови, жжение в местах укуса — это не смывалось. Озноб только усилился.

Она вышла из душа, завернулась в старый, жесткий халат. На кухне налила стакан воды из-под крана, проглотила две таблетки самого сильного обезболивающего, что было в аптечке. Вода показалась безвкусной, мертвой. Она не утолила ту странную, тлеющую внутри жажду, которая была сильнее обычной.

Добравшись до спальни, Вера повалилась на неубранную кровать, даже не пытаясь снять халат. Тело немело, боль под действием таблеток начинала притупляться, превращаясь в

тяжелую, гудящую волну. Озноб все еще сотрясал ее, заставляя кутаться в одеяло, хотя тело одновременно пылало от внутреннего жара. Глаза закрылись сами собой. Снаружи, за окном, упали первые тяжелые капли осеннего дождя.

Глава 3. Тени Полдня

Сон не принес облегчения. Он был черной, бездонной ямой, где мерцали лишь обрывки кошмаров: ледяные пальцы, голодная улыбка во тьме, звук… этот мерзкий, влажный звук всасывания. Вера вынырнула из небытия резко, с ощущением падения. Сердце колотилось где-то в горле, выбивая бешеный ритм паники.

Темно.

Она лежала неподвижно, вцепившись пальцами в края одеяла, слушая стук собственного сердца. Он был слишком громким, слишком… быстрым. Как будто мотор работал на пределе. Постепенно сознание прояснялось, цепляясь за знакомые очертания: потолок с трещиной в углу, силуэт шкафа, полоска света под дверью… в спальню? Но… что-то было не так.

Слишком темно для утра.

Она повернула голову, и боль в шее, приглушенная таблетками, напомнила о себе тупым, настойчивым пульсированием. Проколы. Они были там. Реальность кошмара обрушилась с новой силой. Вера зажмурилась, пытаясь отогнать образы переулка, но они впивались в сознание острыми когтями.

Надо встать. Надо включить свет.

Ее рука потянулась к тумбочке, нащупывая выключатель

настольной лампы. Щелчок. И… ничего. Лампочка не загорелась. Перегорела? Но она же новая… Вера нажала еще раз, сильнее. Тишина и темнота. Паника, холодная и липкая, поползла по спине. Она судорожно рванула шнур бра у кровати. Щелчок. Тьма. Никакого теплого желтого света, рассеивающего ужас.

Нет. Не может быть.

Она встала, игнорируя ноющую слабость и озноб, который все еще грыз кости. Подошла к окну, к плотным шторам, которые всегда задергивала на ночь. Ее пальцы, холодные и дрожащие, ухватились за ткань. Сейчас. Сейчас будет свет. Она рванула штору в сторону.

Ослепительная боль вонзилась прямо в мозг.

Вера вскрикнула, отпрянув назад, как от удара. Она зажмурилась, прикрыв глаза ладонями, но бело-огненное пятно пылало под веками. Даже через плотные веки свет, проникавший сквозь запыленное окно, был невыносимо ярким, режущим. Как сварка.

Сердце сжалось ледяным комом. Она осторожно, щурясь до состояния узких щелочек, взглянула на будильник на тумбочке. Электронные цифры горели зеленым: 16:37. Четыре… тридцать семь? Вечера? Но… она легла на рассвете, после душа. Она проспала… Почти весь день? Это было немыслимо. Она всегда вставала рано, даже в выходные, даже с похмелья. Тело ее, измученное годами работы и стресса, просто не умело спать так долго.

Солнце… Я не могу смотреть на солнце.

Мысль пронеслась, холодная и неумолимая. Она вспомнила вчерашнего… его. Его исчезновение в тени. Его реакцию на свет фар. Популярные клише, которые она когда-то читала в романах, смотрела в фильмах, обрушились на нее лавиной: вампиры боятся солнца. Сгорают на свету.

Она снова подошла к окну, не открывая глаз, лишь приоткрыв веки на микроскопическую щелку. Свет все равно бил по сетчатке болью. За окном — ослепительно яркий, почти горизонтальный луч заходящего солнца, пробивавшийся между домами. Обычный осенний вечер. Но для ее глаз это был пыточный инструмент.

Нет. Нет-нет-нет. Это бред. Похмелье. Шок. Инфекция от укуса.

Она отвернулась от окна, пошатнувшись. Надо было в ванную. Умыться. Привести себя в порядок. Осмотреть раны. Убедиться, что это просто раны.

Путь до ванной казался полосой препятствий. Свет из окна в коридоре, пусть и не прямой, заставлял щуриться и вызывал дискомфорт. Она включила свет в ванной — тусклая лампочка над зеркалом. И снова — удар. Меньший, чем солнечный, но все равно резкий, неприятный. Она моргнула, пытаясь адаптироваться.

И увидела себя в зеркале.

Вера застыла, вцепившись в край раковины. Отражение было… чужим. Не просто измученным, как утром. Оно было

другим.

Бледность. Не просто бледность после болезни или шока. Кожа была мертвенно-белой, фарфоровой, почти сияющей в тусклом свете. Ни намека на румянец, на капилляры под тонкой кожей. Только голубоватые тени под глазами, которые казались теперь неестественно глубокими. Сами глаза… Зрачки были все еще широкими, темными безднами, но радужка… казалась ярче? Или это игра света? Взгляд был напряженным, почти… звериным. Настороженным.

И шея. Два прокола, темно-багровые, воспаленные, окруженные легкой синевой.

Вера медленно поднесла руку к губам. Провела пальцем по верхним зубам. Клыки… они всегда были у нее чуть заметнее других? Или… ей показалось, что кончики стали острее? Она надавила. Больно. Но не так, как если бы зуб шатался. Словно нерв отозвался глубже. Бред. Самовнушение.

Жажда. Она вспомнила о жажде. Та самая, странная, тлеющая внутри, неутолимая водой. Она открыла кран, набрала ладонь воды, поднесла ко рту. Прохладная влага коснулась губ… и ее вырвало.

Не водой. Пустотой. Сухим, мучительным спазмом. Желудок сжался в узел, горло обожгло кислотой. Она оперлась о раковину, кашляя и давясь.

Вампиры не пьют воду. Только кровь.

Мысль прошила сознание, как ледяная игла. Она вспомнила вчерашнюю тошноту от водки, от коктейля… А по-

том — дикую, нечеловеческую жажду в часовне, которую не смогла утолить святая вода. Которая обожгла ее изнутри.

Нет. Не может быть.

Она выпрямилась, глядя на свое отражение с ужасом. Надо было есть. Нормальная еда. Йогурт. Хлеб. Что-то легкое. Доказать себе, что это все бред.

Она прошла на кухню, избегая прямых лучей из окна. Холодильник гудел в углу. Вера открыла дверцу. Холодный воздух ударил в лицо, но… запахи. Боже, запахи!

Раньше она их почти не замечала. Затхлый запах старой колбасы на верхней полке. Кисловатый дух открытого пакета молока. Терпкий аромат подгнивающего яблока в ящике. И что-то еще… металлическое, сладковато-тошнотворное. Она знала этот запах. Кровь. Упаковка куриной грудки, купленная три дня назад и забытая в дальнем углу. Запах был слабым, едва уловимым для обычного носа, но для нее сейчас он ударил в ноздри с силой удара, вызвав новый приступ тошноты и… чего-то другого. Глубинного, темного позыва.

Она захлопнула холодильник, прислонившись к нему лбом. Дышала ртом, стараясь не чувствовать. Мысль о мясе, о крови… вызывала у нее отвращение. Физическое отвращение.

Раньше вызывала.

Сейчас отвращение боролось с чем-то другим. С первобытным, животным любопытством к тому запаху. К теплу. К железу.

— Нет! — мысленный крик был полон ужаса и отчаяния. Она оттолкнулась от холодильника. Не еда. Не сейчас. Может, чай? Успокоительное.

Она поставила чайник. Пока он закипал, ее взгляд упал на маленький серебряный крестик, висевший на гвоздике у окна — его подарила бабушка, «на всякий случай». Крестик. Символ. Защита от нечисти.

Вера медленно подошла, протянула руку. Пальцы дрожали. Она коснулась холодного металла…

Жжение!

Она отдернула руку, как от раскаленного утюга. На подушечке указательного пальца осталось четкое красное пятно, как от ожога. Не сильное, но болезненное, неоспоримое. Она смотрела на крестик, потом на свой палец, потом снова на крестик. В глазах стояли слезы — слезы чистого, неконтролируемого ужаса.

Крестик. Он обжег меня.

Это был не бред. Не похмелье. Не инфекция. Это было… проклятие. Превращение.

— Я… вампир… — прошептала она, и голос ее, хриплый и чужой, повис в тишине кухни. Слова звучали абсурдно, как в дешевом ужастике. Но зеркало, солнце, вода, крестик, жажда… все кричало об этом. Все клише, все поп-культурные атрибуты сходились в одной точке — в ней.

Вера опустилась на стул, охватив голову руками. По спине бежали мурашки ледяного ужаса. Она вспомнила филь-

мы. «Дракула». «Интервью с вампиром». «Сумерки». Бездушные монстры. Хищники. Убийцы, пьющие кровь невинных. Вечные скитальцы во тьме. Моральные уроды.

А она… Она была преподавателем в ВУЗе. Она любила своих студентов. Кормила бездомных кошек. Плакала над дурацкими мелодрамами. Как она может стать… этим? Как ее душа, ее моральные устои, все, что делало ее Верой, могут ужиться с существом, которое живет за счет чужой жизни? Которое боится креста и солнца?

Мысль о том, чтобы кого-то укусить… чтобы вонзить клыки в теплую шею, почувствовать вкус крови… вызвала новую волну тошноты. Но вместе с ней — странную, пугающую вибрацию где-то в глубине горла. Жажда.

Я стану монстром. Я буду убивать. Я потеряю себя.

Отчаяние накрыло с головой. Она не плакала. Слезы, казалось, высохли где-то внутри. Был только всепоглощающий, леденящий ужас перед тем, во что она превращалась. Перед вечной ночью, ненавистью к себе, потерей человечности. Перед неизбежным голодом, который уже шевелился в ее пустом желудке, требуя не йогурта, не хлеба… а крови.

Чайник закипел, пронзительно засвистев. Звук вонзился в тишину, как нож. Вера вздрогнула, подняла голову. За окном последние лучи солнца догорали, окрашивая небо в кроваво-багровые тона. Скоро ночь.

Ночь. Когда просыпаются… такие, как я.

Она сидела, окаменев, слушая, как завывает чайник, и

смотрела, как умирает день.

Глава 4. Ночь сомнений

Тьма за окном сгущалась, поглощая последние отблески заката, и Вера сидела на кухне, стиснув пальцами край стола так сильно, что суставы побелели, будто она боялась, что ее унесет ветром, если она разожмет руки. Чайник остывал, забытый, его свист давно стих, оставив после себя лишь густой пар, медленно растворяющийся в тяжелом воздухе. Мысли кружились в голове, как стая летучих мышей, ударяясь о стены черепа, не находя выхода, и каждая из них возвращалась к одному и тому же:

Я вампир.

Фраза звучала абсурдно даже в ее собственном сознании, но факты, как острые осколки стекла, впивались в кожу, не оставляя места сомнениям. Солнце, которое резало глаза, будто в них влили кислоту. Крест, оставивший на пальце красный след, словно от раскаленного металла. Вода, которая обжигала горло, заставляя тело содрогаться в сухом спазме. И эта жажда — неутолимая, глухая, пульсирующая где-то в глубине глотки, настойчиво напоминающая о себе каждый раз, когда она вдыхала воздух, наполненный чужими запахами.

А еще — две точки на шее.

Она провела языком по зубам, ощущая кончики клыков, которые казались чуть острее, чем должны были быть. Или

это уже паранойя? Может, она просто не замечала раньше, как они слегка выделяются? Но нет, она помнила свои зубы, помнила их форму, и теперь что-то было не так.

Вера встала, подошла к зеркалу в коридоре, и отражение уставилось на нее чужим, бледным лицом. Кожа, всегда чуть смуглая от веснушек, теперь казалась почти прозрачной, как тонкая бумага, сквозь которую просвечивают синеватые прожилки вен. Глаза — слишком яркие, зрачки неестественно широкие, даже при свете лампы не сужающиеся, словно они застыли, впуская в себя всю тьму мира.

Что со мной происходит?

Паника подкатывала волнами, и она схватила телефон, дрожащими пальцами пролистывая контакты, отчаянно пытаясь понять, кому можно позвонить, кто не повесит трубку, не рассмеется, не скажет: «Ты пьяна, Вера, проспись».

Дима? Он бы фыркнул, предложил опохмелиться, а потом рассказал бы эту историю в клубе как смешной анекдот.

Мама? Она бы сразу набрала номер скорой, а потом привела бы батюшку с святой водой, и Вера не была уверена, что выдержит это — не физически, а морально.

Бывший муж? Тот всегда считал Веру склонной к драматизму, вечно раздувающей из мухи слона.

Никого.

Абсолютно никого.

Она бросила телефон на диван, схватилась за голову, чувствуя, как мысли путаются, накладываются друг на друга,

превращаясь в белый шум.

Может, это сон? Галлюцинация? Я сошла с ума?

Но боль в шее была слишком реальной — две точки, воспаленные, горячие на ощупь, пульсирующие в такт сердцебиению.

Вера зажмурилась, пытаясь успокоиться, но воздух в квартире вдруг стал густым, насыщенным запахами, которых раньше она не замечала. Затхлость старого ковра, въевшаяся пыль на книжных полках, сладковатый запах подгнивающего яблока, забытого в вазе на столе. И что-то еще — металлическое, тепловатое, от которого слюна во рту вдруг стала густой.

Кровь.

Ее собственная, засохшая на воротнике платья, брошенного в углу ванной.

И… что-то снаружи.

Она подошла к окну, осторожно раздвинула штору, и двор, погруженный в сумерки, предстал перед ней с неестественной четкостью. Каждый лист на асфальте, каждая трещина в плитке, каждый след от колес на песке — все это было видно так ясно, будто кто-то увеличил резкость мира.

А потом она учуяла его.

Где-то в темноте, кто-то разбил колено, и капля крови упала на землю.

Запах ударил в ноздри, и желудок сжался — но не от тошноты.

От голода.

— Нет… — прошептала она, отшатываясь от окна, но было уже поздно.

Тело отозвалось на этот запах само, без ее согласия, и Вера поняла, что это — нечеловеческое.

Она схватила бутылку воды, сделала глоток — и тут же выплюнула, потому что жидкость обожгла, как кислота.

— Черт!

Вера упала на диван, сжавшись в комок, и впервые за эту ночь подумала о том, что, может быть, смерть — не худший выход.

Но страх оказался сильнее.

Она не была самоубийцей. Даже сейчас.

А значит, оставалось только одно — ждать.

Ждать, пока голод не станет сильнее страха.

Ждать, пока она не превратится в настоящего монстра.

Сон накрыл ее, как черная волна, — тяжелый, без сновидений, без проблесков сознания. Она провалилась в него, как в яму, и не сопротивлялась, потому что только там, в этой бездне, не было ни страха, ни боли, ни этой ужасной жажды.

Проснулась от резкого звука — где-то во дворе залаяла собака, и этот лай, такой обыденный, такой человеческий, выдернул ее из тьмы.

Вера открыла глаза.

Комната была залита солнечным светом.

Она вскрикнула, зажмурилась, инстинктивно подняла руку, чтобы защитить лицо, ожидая жгучей боли…

Но ничего не произошло.

Осторожно приоткрыла один глаз.

Свет не резал.

Он был просто светом — теплым, желтоватым, падающим на одеяло полосами через щели в шторах.

— Что…?

Она села, растерянная, потянулась к шторам, раздвинула их полностью.

Яркое утро. Солнце. Люди идут на работу. Никакого дискомфорта.

— Но… вчера…

Вера вскочила, побежала в ванную, включила свет — лампочка горела, не ослепляя.

Она уставилась на свое отражение.

Кожа была бледной, но не мертвенно-белой, как вчера. Глаза — обычные, зрачки сужались при ярком свете. Шея… Две точки все еще были видны, но не болели, лишь слегка зудели, как заживающие ранки.

— Это… сон?

Она схватила крестик со стены, сжала его в ладони — никакого ожога.

— Что за черт?!

Вера налила стакан воды, выпила залпом.

Желудок принял жидкость спокойно, без спазмов.

Но… вчера…

Она стояла посреди кухни, совершенно сбитая с толку.

Мне это приснилось?

Но тогда откуда следы на шее?

Она провела пальцами по точкам — они были реальными.

— Ладно… ладно… — прошептала она, пытаясь успокоиться.

Может, это был один из симптомов? Временный эффект?

Или…

Или она действительно сошла с ума.

Вера глубоко вдохнула, почувствовала, как воздух наполняет легкие, и это было так нормально, так привычно, что хотелось плакать.

— Надо проверить.

Она оделась, вышла на улицу.

Солнце светило прямо в лицо.

Никакой боли.

Люди шли мимо, никто не шарахался, не кричал: «Вампир!»

Она купила кофе в ларьке — выпила без проблем, ощущая, как тепло разливается по груди.

— Значит… это бред?

Но тогда что за следы на шее?

Вера вернулась домой, села на кровать, сжала голову руками.

— Я не понимаю…

Одно было ясно:
Что-то произошло той ночью.
Но что именно — она пока не знала.
А главное…
Продолжится ли это?

Глава 5. Обычный понедельник

Утро встретило Веру серым, мокрым небом и мелким дождем, стучащим по подоконнику. Она провела всю ночь в тревожном полусне, ворочаясь между кошмарами и внезапными пробуждениями, когда казалось, что кто-то стоит у кровати, дышит ей в затылок, протягивает ледяные пальцы к ее шее. Но сейчас, когда за окном зазвенел будильник, а за стеной застучали соседские дети, собирающиеся в школу, все это казалось просто дурным сном.

Она натянула привычный серый кардиган, застегнула его до самого горла, скрывая следы укусов, и, прежде чем выйти, еще раз проверила себя в зеркале: обычное лицо, обычные глаза, никакой мертвенной бледности. Только тени под глазами — глубокие, синеватые — выдавали бессонную ночь.

«Возможно, мне просто показалось», — подумала она, наливая кофе в дорожную кружку. Рука дрожала, и кипяток пролился на стол, оставив темное пятно.

Дождь усиливался, когда Вера вышла на улицу. Она автоматически раскрыла зонт, но вдруг осознала, что капли, падающие на ткань, звучат… громче, чем обычно. Не просто глухим шуршанием, а отчетливыми, раздельными ударами, будто кто-то стучит по барабану. Она замерла, прислушалась — и поняла, что слышит каждую каплю.

А потом увидела голубя.

Он сидел на карнизе пятого этажа, в пятидесяти метрах от нее, и чистил клювом перья. И Вера различала каждое движение — как перья взъерошиваются, как капли дождя скатываются по его спине, как он поворачивает голову, замечая что-то внизу.

Она резко опустила взгляд, почувствовав легкое головокружение.

«Что со мной?»

Но времени на размышления не было — через двадцать минут начиналась лекция.

— —

Аудитория 317 всегда была проблемной — тяжелая дубовая дверь с покосившейся коробкой, которую нужно было толкать плечом, чтобы открыть. Вера привыкла к этому ритуалу: сначала нажимаешь на ручку, потом упираешься ногой в стену и с силой толкаешь.

Сегодня она сделала все как обычно — но дверь поддалась слишком легко.

Раздался громкий треск, и Вера, потеряв равновесие, чуть не упала вперед. Дверь распахнулась с такой силой, что ручка врезалась в стену, оставив в штукатурке глубокую вмятину. Откуда-то сверху посыпалась пыль.

В аудитории воцарилась тишина. Тридцать пар студенческих глаз уставились на нее.

— Э-э… — Вера покраснела. — Простите.

Она оглянулась на дверь — та висела криво, будто петли

частично вырваны из косяка.

Но тут зазвенел звонок, и Вера, стиснув зубы, быстро прошла к преподавательскому столу, делая вид, что ничего не произошло.

— Сегодня мы разбираем «Преступление и наказание», — начала она, раскрывая конспект. Голос звучал ровно, хотя пальцы слегка дрожали. — Кто может сказать, в чем заключается…

Она вдруг замолчала.

Потому что услышала шепот на последней парте.

— …с утра уже бухает, глянь, как ее трясет…

Слова были произнесены едва слышно, под смех, но Вера разобрала их так четко, будто кто-то наклонился и прошептал прямо в ухо.

Она резко подняла голову. Взгляд сам нашел виновника — рыжего парня с пирсингом в брови, который тут же замолчал, увидев ее реакцию.

— В чем заключается трагедия Раскольникова, Андрей? — спросила она, намеренно называя его по имени.

Парень побледнел. Он точно не ожидал, что она знает, кто это сказал.

А Вера стояла, сжимая ручку, и думала только одно: что дальше?

Лекция тянулась мучительно долго. Каждое слово давалось Вере с усилием, будто она говорила сквозь толстое стекло, отделяющее ее от остального мира. Студенческие тетра-

ди, скрип ручек, шелест страниц — все эти привычные звуки теперь обрушивались на нее с неестественной четкостью. Она слышала, как карандаш упал на пол тремя рядами дальше, как кто-то тихо вздохнул у окна, как желудок одного из студентов негромко урчал от голода.

Особенно невыносимым был запах. Духи одной из студенток — сладкие, приторные, с нотками ванили — буквально били в нос, смешиваясь с ароматом кофе из кружки на кафедре, запахом мокрых пальто в углу аудитории и чем-то еще… металлическим, едва уловимым, что заставляло ее сглатывать слюну.

Когда наконец прозвенел звонок, Вера едва сдержала вздох облегчения. Собирая бумаги дрожащими руками, она не заметила, как порвала лист с планом семинара — пальцы сжались слишком сильно, будто стали чужими.

— —

Учительская встретила ее гомоном голосов и запахом свежемолотого кофе. За большим дубовым столом у окна сидели трое преподавателей средних лет, оживленно обсуждавших свежий скандал в ректорате. Их разговор, перекрываемый шумом кофемашины и скрипом колес офисного кресла, для Веры звучал с пугающей ясностью, будто кто-то накрутил громкость мира.

— Вера Николаевна, вы как всегда вовремя! — обернулась к ней Ольга Петровна, заведующая кафедрой, размахивая коробкой конфет. — Берите «Птичье молоко», пока Лео-

нид Семёнович все не прибрал.

Обычно Вера любила эти моменты — маленькие ритуалы преподавательского братства, когда можно было на пять минут забыть о лекциях и проверить тетради под болтовню коллег. Но сейчас все было иначе.

Она взяла конфету, сунула ее в рот — и тут же чуть не задохнулась. Сахар, который раньше казался приятно сладким, теперь буквально обжигал язык. Шоколад осел на нёбе липкой, отвратительной массой.

— Что, невкусно? — засмеялся Леонид Семёнович, замечая ее гримасу.

Вера заставила себя улыбнуться, делая вид, что жует, а потом незаметно выплюнула конфету в салфетку.

— Да нет, просто… горло першит, — прошептала она, отодвигая коробку.

Разговор вокруг продолжался, но Вера уже не слышала слов. Все ее внимание было приковано к пульсации в висках и странному ощущению во рту — будто клыки стали длиннее, острее, и теперь упирались в нижнюю губу при каждом движении челюсти.

— …а вам, Вера Николаевна, как кажется? — вдруг спросила Ольга Петровна.

Вера вздрогнула.

— Простите, я…

— Боже, да вы совсем больны! — воскликнула заведующая, приглядываясь к ее лицу. — Совсем зеленого цвета.

Идите домой, ради бога. Я сама проведу ваши пары сегодня, у меня окно после обеда.

Обычно Вера спорила бы — она никогда не любила подводить коллег. Но сейчас лишь кивнула, чувствуя, как комок подкатывает к горлу.

— Спасибо, я… я правда неважно себя чувствую.

Когда она вышла в коридор, ее накрыла волна головокружения. Пришлось опереться о стену, чтобы не упасть. Где-то внизу, на первом этаже, звенел телефон, в соседней аудитории скрипел мел по доске…

Вера зажмурилась.

Это не я. Это не может быть я.

Но когда она открыла глаза, мир остался прежним — слишком громким, слишком пахучим, слишком… чужим.

Она поняла, что больше не может здесь находиться.

Схватив портфель, Вера почти побежала к выходу, не обращая внимания на удивленные взгляды студентов. Ей нужно было домой. В темноту. В тишину.

Подальше от этого кошмара, который теперь назывался ее жизнью.

Глава 6. Дорога к бабушке

Когда Вера захлопнула за собой дверь квартиры, бросила сумку на диван и наконец осталась одна в полумраке задернутых штор, первое, что она сделала — схватила телефон и набрала номер, который знала наизусть с детства. Гудки раздавались в тишине, такие громкие, что казалось, их эхо отражается от стен, и с каждым «тыдынь-тыдынь» в груди нарастало странное чувство — будто она вот-вот сорвется в пропасть, но перед этим цепляется за последнюю ниточку нормальности.

— Алло, внученька? — голос бабушки, хрипловатый от возраста, но такой родной, прозвучал в трубке, и Вера вдруг почувствовала, как у нее перехватывает дыхание.

— Баб, привет, это я… — голос дрогнул, и она тут же сжала трубку сильнее, будто боялась, что связь прервется.

— Верунька, что-то случилось? — сразу насторожилась бабушка, потому что знала — внучка звонит среди недели не просто так.

— Да нет, все нормально, — Вера закусила губу, пытаясь собраться. — Просто… соскучилась. Как ты там? Погода на даче хорошая?

Они говорили о мелочах — о том, что бабушка вчера собрала последние яблоки, что соседский кот снова дерется с ее Мурзиком, что в деревне отключили воду на профилак-

тику. Обычные, уютные темы, за которые Вера цеплялась, как за спасательный круг. Но когда пауза затянулась, она не выдержала и спросила то, ради чего, возможно, и звонила:

— Бабушка, ты помнишь ту часовенку за гаражами? Ту, куда ты меня водила в детстве?

Тишина в трубке стала вдруг густой, тяжелой.

— Часовенку? — голос бабушки изменился, стал осторожным, будто она наступила на тонкий лед. — Да какая там часовенка, Вер, ты что-то путаешь.

— Нет, я точно помню! — Вера неожиданно резко сжала телефон, и пластик затрещал под ее пальцами. — Мы ходили туда, когда мне было лет шесть. Ты что-то говорила…

— Вера, — бабушка перебила ее, и в голосе вдруг появились нотки, которых внучка никогда раньше не слышала — что-то между страхом и предупреждением. — Не надо об этом.

— Но почему?! — ее собственный голос прозвучал почти истерично.

— Вера Николаевна, — бабушка вдруг перешла на полное имя, как делала только в самых серьезных случаях. — Я кладу трубку.

Щелчок.

Гудки.

Вера сидела, уставившись в стену, и не могла поверить в то, что только что произошло. Бабушка — ее бабушка, которая ни разу в жизни не повысила на нее голос, которая всегда

была на ее стороне, — только что повесила трубку.

И это значило только одно: она знает.

Знает что-то такое, о чем Вера даже не догадывается.

— —

Дорога до дачи всегда занимала полтора часа — электричка до станции «Полесье», потом двадцать минут пешком через лес, пахнущий хвоей и влажной землей. Но сегодня Вера ехала на такси.

Пейзаж за окном мелькал, как в старом фильме — серые многоэтажки сменились частным сектором, потом полями, уже тронутыми осенней желтизной. Рука сама собой потянулась к сигаретам, лежащим рядом с водителем, хотя Вера бросила курить три года назад. Вместо этого она грызла губу, пока не почувствовала во рту вкус крови.

И тут ее тело отреагировало мгновенно — слюна во рту стала густой, горло сжалось от внезапной жажды, а в висках застучало так сильно, что на секунду мир поплыл перед глазами.

— Черт, — она резко вытерла губы тыльной стороной ладони и открыла окно, впуская в салон ледяной воздух.

Мысли путались. Вспоминалось лето на даче — ей семь лет, она бегает босиком по траве, а бабушка зовет ее с крыльца: «Верунька, не убегай далеко!». Вспоминался чердак бабушкиного дома, где хранились старые книги с пожелтевшими страницами, и та одна, с обтрепанным корешком, которую бабушка всегда убирала подальше, если замечала, что

внучка тянется к ней.

И та самая прогулка к часовенке — почему она всплыла только сейчас? Бабушка вела ее за руку, говорила что-то серьезным голосом, а маленькая Вера боялась, потому что никогда не видела бабушку такой.

— —

Бабушкин дом, серый, с резными наличниками, выглядел точно так же, как и два месяца назад, когда Вера была здесь в последний раз. Но сейчас он казался ей чужим, будто за этими стенами скрывалась не просто пожилая женщина, а хранительница какой-то страшной тайны.

Вера расплатилась с водителем и резко выскочила из такси. Ноги сами понесли ее к калитке, которая скрипнула так же, как в детстве.

На крыльце, обхватив руками колени, сидела бабушка. Как будто ждала.

— Ты все-таки приехала, — сказала она тихо. В глазах не было удивления — только грусть и какое-то странное понимание.

Вера остановилась в двух шагах от нее, вдруг осознав, что не знает, с чего начать.

— Бабушка, — ее голос дрогнул. — Я должна знать.

— Заходи, — сказала бабушка, поворачиваясь к двери. — Я расскажу тебе о часовне.

Бабушкина кухня пахла так же, как двадцать лет назад — сушёной мятой, тмином и старыми деревянными шкафами,

пропитанными десятилетиями жареного лука и пирогов. Вера машинально провела пальцами по выщербленному краю стола, где когда-то оставила след от ножа, пытаясь в восемь лет порезать себе лук для лукового супа, как у бабушки.

Бабушка, отвернувшись, возилась у плиты — щёлкнула конфоркой, поставила чайник, достала из буфета фарфоровые чашки с синими незабудками, те самые, из которых Вера пила какао после долгих зимних прогулок. Всё это делалось с привычной, почти ритуальной неторопливостью, но Вера видела, как дрожат старческие руки, когда та берёт ложку, как слишком резко хлопает дверцей холодильника, доставая банку малинового варенья — того самого, что всегда помогало внучке от простуд.

— Садись, Верунь, — сказала бабушка, наливая в чашку густой, тёмный чай. — Я вчерась клубнику пересадила, думала, не приживётся, а она, глянь-ка…

Вера взяла чашку — чай был обжигающе горячим, но теперь, к своему удивлению, она почти не чувствовала этого. Лишь лёгкое покалывание в кончиках пальцев, будто она опустила их в тёплую, а не кипящую воду.

— Бабушка, — начала она, но старуха продолжала, будто не слыша:

— …и огурцы нынче странные, все в пупырышках, хоть на выставку вези. В прошлом году…

— Бабушка! — Вера хлопнула ладонью по столу, и чашка подпрыгнула, расплёскивая чай. — Хватит! Я не за огурцами

приехала!

Тишина повисла тяжёлым, плотным покрывалом. Бабушка медленно опустилась на стул, её морщинистые руки сложились перед собой, как перед молитвой.

— Ну что ж, — вздохнула она, и вдруг её голос стал глухим, будто доносился из глубины колодца. — Ты права. Не огурцы тебя сюда привели.

Она подняла глаза — тёмные, почти чёрные, как спелые бузины — и Вера впервые заметила, сколько в них боли.

— На месте тех гаражей, где ты нашла часовню, раньше стояла усадьба Тереховских. Древний род, ещё с петровских времён. Но люди их сторонились — говорили, что нечистью обзавелись.

Бабушка перекрестилась, прежде чем продолжить:

— А в 1834 году пришла на деревню «чёрная немочь» — люди умирали за сутки, синея, как сливы. Крестьяне решили — Тереховские напустили. Собрались с вилами да с косами, подожгли усадьбу.

Старуха замолчала, глядя куда-то поверх головы внучки, будто видела сквозь неё то давнее пламя.

— Сгорели все. Старые, малые. Дом сгорел полностью. Только часовня уцелела — её младшая дочь, Анна, выстроила. Говорили, святая была. Молилась за всю свою проклятую семью.

Вера сидела, вцепившись пальцами в край стола, пока перед её глазами разворачивались жуткие картины: кричащие

люди, мечущиеся в дыму фигуры, а за спиной уже полыхает крыша усадьбы, осыпаясь искрами на снег. Она даже физически почувствовала запах гари — не то воспоминание, не то галлюцинация, — когда бабушка вдруг добавила:

— Анна выжила. Спряталась в часовне, да не одна — схватила с кухни ребятёнка служанки, мальчонку лет пяти, который тесто месил, когда начался бунт.

Голос бабушки дрогнул, и она провела ладонью по лицу, словно стирая невидимые следы той истории:

— Говорила потом, что не могла оставить его гореть — хоть и не её крови дитя, а всё же невинный. Вырастила как своего, хоть своих детей Бог не дал.

Вера медленно подняла голову, и в её глазах отразилось мучительное понимание:

— Эта девушка…

— Анна Тереховская — твоя прапрапрапрабабка по прямой линии, — бабушка чётко отсчитала четыре поколения, учитывая, что с 1834 года прошло без малого двести лет.

Тишина повисла густая, как смола. Даже чайник на плите перестал шипеть, будто затаив дыхание. Вера ощутила, как по спине пробежали ледяные мурашки — не от страха, а от странного чувства причастности к чему-то древнему и тёмному.

Глава 7. Исповедь в полумраке

Кухня, наполненная ароматами чая и старого дерева, казалась теперь тесной, словно стены сжимались, впитывая каждое слово бабушкиного рассказа. Вера сидела, уставившись в темную глубину своей чашки, где на дне лежали не растворившийся сахар, и чувствовала, как в груди поднимается что-то тяжелое, невысказанное.

— Так почему же ты спросила про часовню? — бабушка наклонилась вперед, ее морщинистые пальцы сцепились в тугой узел. В глазах светилось не просто любопытство — там была тревога, почти предчувствие. — Ты ведь не просто так вспомнила.

Вера опустила взгляд. Она не могла сказать правду. Не сейчас. Не когда сама еще не понимала, что с ней происходит. Но и лгать бабушке, которая только что раскрыла ей семейную тайну, было невозможно.

— Я… заблудилась, — начала она, медленно, подбирая слова. — После клуба. Выпила лишнего, поссорилась с Димой, пошла одна через гаражи.

Она замолчала, вспоминая ту ночь: холодный ветер, шуршащий под ногами мусор, тени, которые казались живыми.

— Ко мне пристал какой-то мужчина. Я испугалась, побежала… и наткнулась на эту часовню. Дверь была открыта, я зашла.

Бабушка не шевелилась, но Вера видела, как побелели ее костяшки, сжимающие край стола.

— И что там? — спросила старуха так тихо, что слова едва долетели до Веры.

— Ничего. Пустота. Темнота. Я… просто переждала, пока он уйдет.

Ложь далась тяжело. Она вспомнила, как лежала на каменном полу, как жгло горло от святой воды, как тьма накрывала ее, словно саван. Но как сказать об этом бабушке? Как объяснить, что, возможно, теперь она — часть той самой нечисти, о которой говорили крестьяне?

Бабушка вздохнула, откинулась на спинку стула, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на разочарование.

— Ты что-то не договариваешь, внучка.

Вера сжала зубы. Клыки, которые теперь казались острее, уперлись в нижнюю губу.

— Может, и так. Но я и сама не понимаю, что со мной.

Она подняла глаза и увидела, как бабушка медленно тянется к старому буфету, к тому самому, где всегда хранились заветные вещи: фотографии, письма, маленькие коробочки с «бабушкиными секретами». Старуха достала оттуда что-то завернутое в пожелтевшую ткань и положила на стол перед Верой.

— Тогда, может, это поможет тебе понять.

Ткань развернулась с шелестом, открывая старую тетрадь в переплете с потрескавшимися уголками. На обложке не

было ни названия, ни автора — только вытертый временем символ, напоминающий то ли крест, то ли меч.

— Это дневник Анны, — прошептала бабушка. — Той самой. Я всегда знала, что однажды он понадобится тебе.

Вера протянула руку, но в последний момент остановилась, будто боясь прикоснуться. Тетрадь казалась живой, дышащей, как будто в ее страницах все еще билось сердце той женщины, пережившей ужас пожара и проклятие рода.

— Почему ты так думаешь?

Бабушка посмотрела на нее долгим, пронизывающим взглядом.

— Потому что ты — последняя в роду Тереховских.

— —

Дневник Анны лежал в сумке, завернутый в ту самую пожелтевшую ткань, и казалось, он излучал едва уловимое тепло, словно в нем тлели угли давно угасшего пожара. Вера стояла на пороге бабушкиного дома, чувствуя, как ночной воздух обволакивает ее кожу, прохладный и влажный, наполненный запахами прелой листвы и далеких костров.

— Останься до утра, — голос бабушки звучал устало, но в нем слышалась непреклонность. — Уже поздно, лес темный, да и электрички теперь редко ходят…

— Не могу, бабушка, — Вера поправила сумку на плече, избегая ее взгляда. — Завтра с утра лекции, а я даже не подготовилась.

Бабушка вздохнула, провела рукой по ее щеке — ладонь

была шершавой, теплой, такой знакомой.

— Тогда иди с Богом.

Она перекрестила Веру, и та почувствовала, как по спине пробежали мурашки — не от страха, а от чего-то другого, словно это благословение касалось не только ее, но и той тени, что теперь жила внутри.

Лес встретил ее густым мраком, но Вера шла уверенно, будто дорога сама подсвечивалась перед ней. Раньше она боялась этой тропинки даже днем — корни, выпирающие из земли, внезапные ямы, шорохи в кустах. Теперь же каждый звук, каждый запах, каждый изгиб пути казались такими четкими, будто кто-то нарисовал мир заново, с максимальной детализацией.

Где-то далеко крикнула сова. Ветер шевелил верхушки сосен, и шелест листьев напоминал шепот. Даже звезды сквозь редкие просветы в облаках светили ярче, чем обычно.

Она посмотрела на часы — электронные цифры вспыхнули в темноте: 23:54.

— Черт…

Электричка должна была быть в 23:58, а до станции еще минут пятнадцать ходьбы. Вера замерла, сжала кулаки.

Не успею.

Но вдруг в груди что-то дрогнуло — не страх, не отчаяние, а странное, почти животное желание попробовать.

Она побежала.

Сначала медленно, осторожно, но уже через несколько

шагов тело будто само нашло ритм. Ноги, обычно такие неуклюжие на бегу, теперь легко перескакивали через корни и кочки. Воздух свистел в ушах, но она не задыхалась — сердце билось ровно, мощно, как мотор, работающий на полную мощность.

Лес превратился в размытое пятно по бокам, земля под ногами — в упругую ленту, отталкивающую ее вперед. Она даже не думала о пути — тело знало, куда бежать.

И вот уже мелькают огни станции, желтые квадраты окон, силуэты людей на платформе.

Вера влетела на перрон в тот самый момент, когда электричка, скрипя тормозами, остановилась у платформы. Она замерла, ошеломленная, чувствуя, как кровь стучит в висках, но не от усталости — от восторга.

— Как… — она посмотрела на часы.

23:58.

Три минуты. Она преодолела путь за три минуты.

Двери вагона открылись, и Вера шагнула внутрь, пряча дрожащие руки в карманы.

Что со мной происходит?

Но ответ, казалось, уже лежал у нее в сумке, завернутый в старую ткань.

Глава 8. Страницы прошлого

Квартира встретила Веру тишиной и привычным запахом пыли, смешанным с ароматом вчерашнего кофе. Она задернула шторы, заварила крепкий чай — больше для ритуала, чем для удовольствия, ведь вкус уже не радовал, — и села у окна, положив перед собой дневник Анны.

Переплет был шершавым под пальцами, страницы пожелтели от времени, но чернила сохранили четкость — тонкие, изящные буквы, выведенные с аккуратностью, которая выдавала образованную руку.

Вера перевернула первую страницу.

Дневник Анны Тереховской

20 мая 1832 года

Сегодня мне исполнилось шестнадцать лет. Отец подарил мне эту тетрадь, сказав, что благородная девица должна уметь не только вышивать и вести хозяйство, но и излагать мысли. Матушка, конечно, скривилась — она считает, что излишняя ученость портит нрав, но папа лишь рассмеялся и поцеловал меня в лоб. «Пусть пишет, — сказал он. — Может, когда-нибудь ее записи станут историей».

Как же я люблю нашу усадьбу весной! Сад утопает в сирени, пруды сверкают, как зеркала, а по утрам слышно, как

поют соловьи. Сегодня я проснулась раньше всех и вышла в сад босиком — трава была мокрой от росы, и я представляла себя феей из бабушкиных сказок, которая танцует среди цветов…

12 июня 1832 года

Сегодня приехал доктор Семёнов — лечить младшего брата Мишу от лихорадки. Он привез с собой книгу — «Путешествие Гулливера» на английском! Я не удержалась и попросила дать мне почитать. Доктор удивился: «Ты разве знаешь язык?» Я кивнула — папа нанял мне учителя еще три года назад. Доктор рассмеялся и сказал, что я «слишком умна для девушки». Почему «слишком»? Разве есть предел уму?

Миша, к счастью, поправляется. Но доктор останется у нас еще на неделю — он будет записывать свои наблюдения о новой методике лечения. Я попросила разрешения присутствовать при осмотрах. Матушка чуть не лишилась чувств, но папа разрешил — сказал, что если я хочу понимать, как устроен человек, то почему бы и нет?

3 июля 1832 года

Сегодня случилось нечто странное. Я гуляла у пруда и встретила старую Агафью — ту самую, что живет в лесу и знает все травы. Она собирала коренья и что-то бормотала себе под нос. Я хотела пройти мимо, но она вдруг

схватила меня за руку и сказала: «Ты крови своей бойся, барышня. Она и спасет, и погубит».

Я вырвалась и убежала. Вечером рассказала папе — он нахмурился и велел не общаться с «деревенскими дурочками». Но я видела, как он переглянулся с матушкой…

15 августа 1832 года

Доктор Семёнов уехал сегодня, оставив мне в подарок книгу по анатомии. «Для любознательности», — сказал он. Матушка спрятала ее в шкаф, но я уже успела пролистать. Как же удивительно устроен человек! Кости, мышцы, сосуды…

А еще сегодня я впервые увидела, как папа рассердился по-настоящему. Крестьяне из соседней деревни поймали вора — парня лет двадцати, который забрался в амбар. Они приволокли его к нам, требуя наказания. Папа вышел на крыльцо, выслушал их, а потом… отпустил его. Сказал: «Хлеба возьмите из запасов, но человека не трогайте».

Крестьяне зароптали, но разошлись. А вечером я видела, как папа стоял у окна и смотрел в лес. В его глазах было что-то… нечеловеческое. Будто он видел не деревья, а что-то далекое, страшное.

10 сентября 1832 года

Я заболела. Горло горит, голова раскалывается. Доктор говорит, что это ангина, но матушка шепчет что-то о

«проклятии». Папа не отходит от моей кровати. Сегодня ночью я проснулась от того, что он сидит рядом и смотрит на меня. Его глаза в темноте светились, как у кошки. Я закричала, и он тут же зажег свечу. «Тебе приснилось, дочка», — сказал он. Но я знаю, что не спала…

Вера оторвалась от дневника, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

«Ты крови своей бойся»…

Она подошла к зеркалу, провела пальцем по своим клыкам — они явно стали острее.

Что скрывали Тереховские?

И, главное — как это связано с ней?

Ночь за окном сгущалась, но Вера не чувствовала ни усталости, ни желания спать. Ее пальцы лихорадочно перелистывали страницы дневника, выхватывая обрывки фраз, дат, признаний. Чай остыл, забытый, а свет лампы казался теперь слишком тусклым — глаза будто сами приспосабливались к полумраку, различая каждую потускневшую букву.

Она нашла нужную запись.

1 ноября 1832 года

Я выздоровела. Но что-то во мне изменилось. Я больше не могу есть обычную пищу — мясо вызывает отвращение. Только фрукты и молоко еще приносят облегчение. А еще… я вижу сны. Каждую ночь мне снится, что я стою в поле,

а вокруг — сотни людей с горящими факелами. Они кричат что-то, но я не могу разобрать слов. Просыпаюсь в холодном поту.

15 ноября 1832 года

Сегодня впервые за месяц поехала в церковь. Одна. Папа никогда не ходит на службы, говорит, что «Бог для слабых». Но мне… мне нужно было.

Когда я стояла в толпе, батюшка поднял крест, и мне вдруг стало плохо. Голова закружилась, в глазах потемнело. Я выбежала на воздух и долго сидела на ступеньках, дрожа. Старая нищенка, сидевшая у входа, посмотрела на меня и сказала: «Ты не ихняя, детка.». Что она имела в виду?

3 декабря 1832 года

Я начала строить часовню. На самом краю нашего поместья, у старого дуба, где никто не бывает. Наняла рабочих из дальнего села — они думают, что это каприз барышни. Папа пока не знает. Матушка, кажется, что-то подозревает, но молчит.

Сегодня привезли первый камень. Когда я прикоснулась к нему, мне показалось, что он теплый, будто живой. Рабочие перекрестились. Если бы они знали…

25 декабря 1832 года

Рождество. Вся семья собралась в столовой — папа, ма-

тушка, дядя Григорий с женой, мои братья. Блюда сменяли друг друга, вино лилось рекой. А я сидела и думала о том, как они все… чужие.

Дядя Григорий рассказывал охотничью историю — как загнал медведя и пил его кровь. Все смеялись. Братья хвастались, кто больше собак замучил на псарне. Матушка улыбалась, а ее глаза были пустыми.

А потом папа поднял тост: «За нашу семью. За нашу кровь. За нашу силу». Все чокнулись. Я сделала вид, что пью, но вино обожгло мне губы, как кислота.

После ужина я убежала к своей недостроенной часовне. Плакала, молилась, хотя не знаю, слышит ли меня Бог. Потом уснула прямо на полу, на соломе. И впервые за месяцы мне не снился кошмар.

12 января 1833 года

Часовня почти готова. Сегодня установили крест на купол. Когда рабочие ушли, я осталась одна, зажгла свечи. И вдруг… я услышала голос. Не вслух, а внутри, как будто кто-то говорил прямо в мою душу: «Ты выбрала свет. Но тьма в твоей крови не исчезнет».

Я упала на колени.

Что со мной происходит?

Вера откинулась на спинку кресла, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле.

— Тьма в крови… — она прошептала эти слова, и они повисли в воздухе, как признание.

Она подошла к окну, распахнула штору. На востоке уже брезжил рассвет — первые лучи солнца касались крыш.

Глава 9. Тени прошлого

Вера отправила сообщение на кафедру, короткое и сухое: «Температура, не смогу выйти. Надеюсь, завтра будет лучше». Телефон тут же упал на диван, забытый. Перед ней лежал дневник Анны, раскрытый на середине, где страницы были испещрены дрожащими строчками, будто писавшая их рука то замирала от ужаса, то торопилась запечатлеть что-то, пока память не стерла.

20 февраля 1833 года

В деревне ненавидят нас. Я вижу это в глазах крестьян, когда проезжаю мимо на дрожках. Они крестятся, шепчутся, прячут детей. Вчера у колодца старуха плюнула мне вслед и прошипела: «Проклятые». Я хотела спросить, что она имеет в виду, но она скрылась в избе, хлопнув дверью.

Папа смеется: «Пусть боятся. Страх — лучшая охрана». Но мне страшно самой.

1 марта 1833 года

Часовня стала моим убежищем. Каждый день я прихожу сюда, зажигаю свечи и молюсь, хотя не знаю, слышит ли меня Бог. Сегодня батюшка из соседнего села отказался освятить ее. Он посмотрел на меня так, будто я принесла сюда чуму, и сказал: «Нельзя освятить то, что уже оскверн-

нено».

Что он знает? Что знают все, кроме меня?

15 марта 1833 года

Миша… Боже, что происходит с Мишей?

Сегодня я застала его во дворе. Он держал котенка — того самого, пестрого, которого я принесла из леса неделю назад. Котенок визжал, а Миша… Миша смеялся. Его пальцы сжимали тельце так, что шкурка трещала, а в глазах — в глазах было то же, что я видела у отца: холодный, голодный блеск.

Я вырвала котенка, отнесла в сарай. Он умер к вечеру. Миша даже не спросил о нем.

3 апреля 1833 года

Ванечка — единственный, кто не боится меня. Сегодня он принес мне букет подснежников, собранных у реки. Его пальцы были в земле, щеки — розовые от холода, а глаза… такие живые.

«Ты не страшная, барышня», — сказал он, улыбаясь.

Я заплакала.

Вера перевернула страницу, и вдруг из дневника выпал листок — пожелтевший, с оборванными краями. На нем детским почерком было написано:

«Барышня Анна, не плачьте. Я вас защищу. Ваш Ванеч-

ка».

Сердце Веры сжалось. Она знала, чем закончится эта история — бабушка рассказала: мальчик, спасенный из огня…

Но дневник продолжался.

10 апреля 1833 года

Матушка вызвала меня сегодня в свою комнату. Говорила о замужестве — какой-то дальний родственник из Петербурга прислал предложение. Я молчала. Потом она вдруг схватила меня за подбородок, впилась ногтями в кожу:

«Ты думаешь, твоя часовня спасет тебя? Ты — наша. По крови. И никуда от этого не деться».

Ее глаза были пусты, как у мертвой рыбы.

25 апреля 1833 года

В деревне началась болезнь. Люди умирают за день — синеют, как сливы, и хрипят, будто кто-то душит их изнутри. Крестьяне говорят, что это мы наслали мор. Папа велел удвоить охрану.

30 апреля 1833 года

Ванечка заболел.

Я нашла его в углу кухни — он дрожал, как лист, губы посинели. Кухарка рыдала, молилась.

Он шепчет: «Барышня, мне страшно».

Я тоже боюсь.

Вера отложила дневник, чувствуя, как комок подкатывает к горлу. Она встала, подошла к окну. За стеклом — обычный город, обычные люди, спешащие на работу. А в ее руках — свидетельство того, что когда-то обычная девушка, как и она, осознавала, что вокруг монстры.

Телефон на диване завибрировал. Сообщение от Ольги Петровны: «Выздоравливайте. Завтра важное собрание».

Вера не ответила.

Дневник Анны лежал на коленях Веры, его страницы шуршали, как опавшие листья, будто предупреждая: «Дальше — только боль». Последние записи были написаны неровным, торопливым почерком, чернила местами размазаны — от слез? От дрожи в руках?

5 мая 1833 года

Ванечка поправляется. Сегодня он впервые за неделю съел целую тарелку похлебки и даже улыбнулся. Его мать, добрая Марфа, плакала и целовала мои руки, называла «спасительницей». Если бы она знала…

10 мая 1833 года

Ванечка теперь ходит за мной, как хвостик. Сегодня принес мне цветок — василек, вырванный с корнем. «Чтобы у тебя всегда было лето», — сказал он. Его пальчики были испачканы землей, а в глазах — столько доверия…

Я спрятала цветок между страницами молитвенника. Пусть засохнет. Пусть останется.

15 мая 1833 года

Крестьяне собрались у наших ворот. Они молчали, но в их глазах горело то, что страшнее криков. Отец велел запереть все двери. Миша смеялся и точил нож.

20 мая 1833 года

Марфа сегодня шептала мне: «Бегите, барышня. Они уже копают ямы за селом».

Я спросила: «Какие ямы?»

Она не ответила.

Следующие страницы были исписаны так плотно, что строчки наезжали друг на друга, буквы превращались в каракули.

Не датировано

Они идут. С факелами. Кричат: «Выходи, нечисть!»

Мы с Ванечкой в часовне. Дверь заперта, но я слышу, как трещит дерево в усадьбе. Горит. Все горит.

Ванечка плачет. Я прижимаю его к себе и шепчу: «Не бойся». Но сама дрожу.

Боже, если Ты есть — спаси его. Возьми мою жизнь, но спаси его.

Последняя запись была сделана уже другим почерком — детским, неуверенным:

«Барышня Анна спит. Мы будем жить. Ванечка».

И все.

Вера сидела, сжимая дневник в руках, пока пальцы не онемели.

Глава 10. Утро после ночи

Рассвет застал Веру сидящей на полу среди разбросанных страниц дневника. Голова гудела от бессонницы, но тело, вопреки ожиданиям, не чувствовало привычной усталости. Напротив — в мышцах была странная легкость, будто кто-то вытянул из нее годы напряжения и тревог. Она потянулась, и суставы отозвались не скрипом, а мягким, почти кошачьим движением.

Солнечный свет, еще не набравший силу, пробивался сквозь шторы, и Вера, к своему удивлению, не ощутила привычного жжения в глазах. Вчерашняя реакция на свет исчезла так же внезапно, как и появилась.

«Значит, это не навсегда?» — подумала она, поднимаясь с ковра. Но тут же вспомнила слова Анны из дневника: «Тьма в крови не исчезнет».

Телефон лежал на диване, экран потрескавшийся, но живой. Она набрала номер бабушки, прижав трубку к уху так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Бабушка, — голос ее звучал хрипло, будто она не спала неделю, — в дневнике обрывается на самом страшном. Там должно быть продолжение.

Тишина в трубке. Потом — вздох, глубокий, как пропасть.

— Я спрошу у тети Кати. У нее в сундуке, кажется, лежат старые бумаги. Но, Верунь… — Голос бабушки дрогнул. —

Будь осторожна с этим.

— С чем?

— Со знанием.

Линия оборвалась. Вера опустила телефон, чувствуя, как в груди что-то сжимается.

— —

Перед зеркалом в ванной она разглядывала себя с холодным, почти клиническим интересом.

Что изменилось?

Лицо. Оно не стало моложе — морщинки у глаз, складка между бровей, следы былых переживаний никуда не делись. Но кожа… Кожа была другой. Раньше она тускло желтела под слоем тонального крема, теперь же — гладкая, плотная, будто натянутая на невидимый каркас.

Она провела пальцем по щеке. Ни морщин, ни расширенных пор. Только легкий румянец, которого не было вчера.

Волосы, всегда тонкие и ломкие, теперь лежали тяжелыми прядями, блестя даже при тусклом свете лампы. Она собрала их в пучок — и тут же отпустила, потому что движение было слишком резким, почти неестественным.

А глаза…

Вера наклонилась ближе к зеркалу. Радужка, раньше серо-голубая, теперь казалась темнее, почти черной у зрачка, переходя в глубокий синий по краям. Зрачки — широкие, как у кошки, даже при свете.

«Я все еще я», — подумала она, но голос в голове ехидно

добавил: «Только лучше».

— —

Рабочий костюм — брюки, блузка, пиджак — сидел на ней иначе. Плечи расправлены, спина прямая, будто кто-то вытянул ее за макушку. Она поправила воротник, скрывая следы укусов, и вдруг заметила, что ногти, всегда ломкие, теперь ровные, крепкие, с легким перламутровым отливом.

«Это не я», — мелькнуло в голове, но тут же заглушилось более сильной мыслью: «Это я. Просто… другая».

На кухне она машинально налила кофе, но запах вызвал тошноту. Вместо этого схватила яблоко из вазы — и тут же выплюнула первый кусок. Вкус, раньше сладкий, теперь казался прогорклым, как тряпка.

Жажда.

Она открыла холодильник, и запах куриной грудки в пакете ударил в нос — металлический, теплый, манящий. Слюна во рту стала густой.

— Нет, — прошептала она, захлопнув дверцу.

Но тело уже запомнило этот вкус.

— —

На пороге квартиры Вера замерла, слушая, как за стеной соседка включает телевизор, как в подъезде скрипит лифт, как где-то далеко, на улице, смеется ребенок.

Мир звучал громче, ярче, понятнее.

Она сделала шаг вперед — навстречу новому дню.

И новой себе.

Аудитория встретила Веру привычным шумом — перешептываниями, скрипом стульев, глухим стуком падающей ручки. Но сегодня эти звуки не сливались в раздражающий гул, а раскладывались в четкую мозаику, будто кто-то настроил приемник на идеальную частоту. Она различала каждый вздох, каждый шелест страницы, даже тихий смешок с последней парты, где рыжий Андрей, тот самый, что вчера отпускал шутки про пьянство, что-то показывал в телефоне соседу.

— «Дракула», — произнесла Вера, ставя сумку на кафедру. Голос прозвучал глубже, чем обычно, почти бархатисто, и несколько голов тут же поднялись от тетрадей. — Не вампиры из подростковых романов, не романтические страдальцы, а древнее зло, которое приходит без спроса и берет то, что ему нужно.

Она открыла книгу, и пальцы сами нашли нужную страницу — ту, где Джонатан Харкер впервые понимает, что граф не отражается в зеркале.

— Представьте себя на его месте. Вы в чужой стране, в замке, где хозяин исчезает днем и говорит о войне, «которая будет пировать на крови». Вы замечаете, что он не ест, не пьет, что его дыхание пахнет тленом… — Вера провела языком по клыкам. — Но самое страшное — это не сам Дракула, а то, как постепенно рушится ваша реальность. Вы начинаете сомневаться в собственном рассудке.

— Страх перед необъяснимым — вот что делает эту книгу

бессмертной, — продолжила Вера, медленно обходя кафедру. Ее шаги были бесшумными, хотя раньше каблуки всегда громко стучали по полу. — Мы боимся не клыков, а того, что кто-то может войти в наш дом, взять нашу жизнь… и мы даже не поймем, когда перестанем быть собой.

Тишина в аудитории стала плотной, как перед грозой. Даже Андрей перестал отвлекаться, завороженно глядя на преподавателя.

— —

Учительская наполнилась запахом кофе и усталого понедельника. Коллеги рассаживались за длинным столом, перебрасываясь фразами о выходных, больных детях и вечных проверках. Вера заняла место у окна, откуда было видно, как солнце медленно тонет в тучах.

— Итак, — Ольга Петровна, заведующая кафедрой, поставила перед собой папку с надписью «Аттестация». — Нам нужно подготовить отчеты по новым методичкам до конца недели. Вера Николаевна, вы, как всегда, берете раздел по аналитике?

Раньше Вера кивала, даже не думая отказаться. Она годами тащила эту нудную работу — сводила таблицы, писала выводы, которые никто не читал, — просто потому, что «так принято», потому что боялась, что о ней подумают плохо.

Сегодня она отпила воды (желудок сжался, но не вытолкнул жидкость — прогресс) и сказала спокойно:

— Нет.

В комнате повисла тишина. Даже чайник на подоконнике перестал шипеть, будто затаив дыхание.

— Простите? — Ольга Петровна приподняла очки на лоб, будто не расслышала.

— Я сказала «нет». — Вера положила руки на стол, заметив, как бледно они выглядят на фоне темного дерева. — Я больше не буду делать аналитику. Пусть каждый пишет за свой раздел.

— Но это всегда…

— Всегда делала я. Потому что мне было проще согласиться, чем спорить. — Голос Веры звучал ровно, без вызова, но и без привычной вины. — Но теперь — нет.

Леонид Семенович, сидевший напротив, фыркнул:

— Нашли время для бунта. Может, еще и лекции читать откажетесь?

— Лекции я люблю. А вот тратить время на бумажки, которые потом сгниют в архиве — нет.

Ольга Петровна покраснела:

— Это коллективная ответственность!

— Именно поэтому я предлагаю разделить ее. — Вера откинулась на спинку стула, чувствуя, как в углах рта дрожит что-то похожее на улыбку. Не злую — просто… свободную.

Собрание превратилось в хаос. Кто-то кричал о «непрофессионализме», кто-то предлагал «наказать зарвавшихся», но Вера лишь наблюдала, впервые за долгие годы, не чувствуя ни страха, ни желания оправдаться.

Единственное, что ее волновало — как сильно бьется сердце Ольги Петровны. Оно стучало быстро, как крылья пойманной птицы, а запах ее пота (сладковатый, с нотками дешевого лавандового мыса) казался невероятно… живым.

«Не сейчас», — мысленно приказала себе Вера, вставая из-за стола под возмущенные взгляды коллег.

Склока в учительской разрешилась так же внезапно, как и началась — не потому, что коллеги смирились, а потому, что их возмущение уперлось в каменное спокойствие Веры, которое, казалось, излучало почти физический холод. Они отступили, бормоча что-то о «неадекватности» и «последствиях», но в их глазах читалось не столько возмущение, сколько растерянность перед этой новой, незнакомой Верой, которая больше не гнулась под грузом их ожиданий. Ольга Петровна, сжав губы, распределила отчеты между остальными, бросив на Веру взгляд, в котором смешались обида и недоумение — как будто любимая собака, годами покорно вилявшая хвостом, внезапно оскалила клыки.

Вера вышла из вуза, вдохнув прохладный осенний воздух, наполненный запахом опавшей листвы и далеких костров. Солнце, бледное и безжизненное, висело низко над горизонтом, окрашивая фасад здания в болезненно-желтые тона, но его лучи больше не резали глаза — теперь они казались ей тусклыми, словно свет старинной кинопленки. Она шла по аллее, прислушиваясь к тому, как листья шуршат под ногами, как где-то за спиной перешептываются студенты, как

бьется сердце проходящего мимо старика — неровно, с перебоями, будто изношенный механизм.

Именно тогда она услышала легкие, почти бесшумные шаги за спиной — слишком быстрые для обычного человека, слишком уверенные для случайного прохожего.

— Вера Николаевна, подождите!

Голос прозвучал как колокольчик — звонкий, насмешливый, с легкой хрипотцой. Вера обернулась и увидела ее: Еву Ковалеву, блондинку с третьего курса, чья красота всегда казалась Вере издевательством судьбы.

Ева стояла, слегка наклонив голову, и улыбалась так, будто они были заговорщицами, делящими грязный секрет. Ее волосы сегодня рассыпались по плечам золотистыми волнами, а губы, подчеркнутые темно-бордовой помадой, казались неестественно яркими на фоне бледной кожи. Но больше всего Веру поразили ее глаза — голубые, почти прозрачные, с расширенными зрачками, в которых отражалось небо, но не было ни капли его безмятежности.

— Вы так спешите, — протянула Ева, играя замшевой перчаткой, которую держала в руках. — А я так надеялась поболтать.

— У меня нет времени, — ответила Вера, но не сделала ни шага, чтобы уйти. Что-то в позе девушки, в том, как она слегка приоткрыла рот, обнажив острые клыки (слишком острые для человеческих), заставило Веру замереть.

— О, я уверена, что для таких, как мы, время — понятие

относительное, — Ева рассмеялась, и ее смех напомнил Вере звон разбитого стекла. — Особенно когда речь идет об… интересных приглашениях.

Она сделала шаг ближе, и Вера уловила запах ее духов — дорогих, цветочных, но под ними сквозило что-то другое: мед, старая медь и едва уловимый оттенок чего-то гнилостного, будто под сладкой маской прятался труп.

— О чем Вы, Ева? — спросила Вера, хотя уже знала ответ.

Ева наклонилась так близко, что ее дыхание коснулось уха Веры — холодное, как зимний ветер.

— Ты ведь чувствуешь это, да? Как все внутри горит и пульсирует? Как хочется… попробовать? — ее голос стал шепотом, в котором смешались соблазн и угроза. — Завтра, в полночь. Клуб «Нирвана». Спросишь у бармена двойную «Кровавую Мэри».

Она отступила, улыбаясь, и Вера вдруг осознала, что видит в ее глазах то же самое, что и в своем отражении — голод, смутно прикрытый человеческой маской.

— А если я откажусь?

— Тогда, — Ева сделала паузу, медленно облизывая губы, — ты останешься одна. А нам, новеньким, без стаи — плохо.

Она повернулась и ушла, оставив Веру стоять среди опавших листьев, сжимая сумку так крепко, что кожаный ремень впился в ладонь.

Где-то вдали завыла сирена, и Вера поняла, что решение уже принято — не разумом, а той самой тьмой, что теперь

жила в ее крови.

Глава 11. Квартира с призраками

Бабушка ответила не сразу — сначала раздались три протяжных гудка, потом шорох ткани, будто она откладывала вязание или закрывала старую книгу, и лишь затем хрипловатое, но такое родное:

— Верунь?

— Ты узнала что-нибудь про дневник? — Вера не стала тратить время на предисловия, ее голос прозвучал резко, почти требовательно, и она тут же пожалела об этом, услышав, как бабушка вздыхает на другом конце провода.

— Узнала, да нерадостное… — в голосе старухи зазвучала та самая осторожность, с которой говорят о покойниках или потерянных сокровищах. — Все бумаги тетя Катя хранила в своей старой квартире на Садовой… А когда внучка ее, Людка, продала жилье, так и не удосужилась архив забрать.

Вера стиснула телефон, представляя, как пожелтевшие страницы Анны лежат в коробках среди чужого хлама, покрытые пылью и равнодушием.

— И что, выбросили?

— Нет, вот чудо-то… — бабушка понизила голос, словно боялась, что ее подслушают. — Квартиру купил паренек один, историк, кажись. Так он, говорят, все эти бумаги с благоговением перебрал, даже тетю Катю разыскивал, спраши-

вал про родословную.

Слово «историк» прозвучало как намек — не случайность, а звено в цепи, которое Вера должна была заметить. Она закрыла глаза, представляя незнакомца, листающего дневник Анны, проводящего пальцами по тем же строчкам, что и она, и что-то внутри нее сжалось от ревности, будто ее личную тайну выставили на всеобщее обозрение.

— Адрес есть?

— Тетя Катя дала… — бабушка продиктовала улицу и номер, потом замолчала, и в тишине между ними повис невысказанный вопрос.

— Спасибо, — Вера прошептала, уже мысленно сверяя завтрашнее расписание. Утром — свободна, после обеда — всего одна пара, которую можно пропустить под предлогом болезни. До полуночи, до того момента, когда она должна будет встретиться с Евой и ее таинственным кругом, останется достаточно времени, чтобы добраться до Садовой, найти этого «историка» и вырвать у него страницы своего прошлого.

— Ты… будь осторожна, — вдруг сказала бабушка, и в ее голосе Вера услышала не просто беспокойство, а тот самый тон, которым в детстве предупреждали о крадущихся по темноте волках.

— Я всегда осторожна, — соврала Вера, глядя на свое отражение в окне, где силуэт казался чужим — более стройным, более гладким, с глазами, которые слишком ярко бле-

стели в полумраке.

Она положила трубку, и тишина квартиры снова поглотила ее, но теперь в ней звучал шепот — не извне, а изнутри, голодный и настойчивый, напоминающий о том, что завтрашняя ночь может изменить все.

Или просто подтвердить то, чем она уже стала.

Сон Веры был беспокойным и густым, как смола — в нем смешались образы горящей усадьбы, где пламя лизало стены, словно живое существо, и холодной часовни, где тени на каменном полу складывались в очертания людей, застывших в вечном молчании. Она металась в постели, чувствуя, как жар костров из сновидения просачивается в реальность, разливаясь по венам липким, ядовитым теплом, а где-то в глубине сознания шептали голоса — то ли предков, то ли самой тьмы, которая теперь пустила корни в ее крови.

Проснулась она резко, с ощущением, будто падала с высоты — сердце колотилось, зубы сжались до хруста, а на губах выступила капля крови, которую она автоматически слизала, почувствовав привкус меди, одновременно отвратительный и манящий. За окном еще только светало, серый рассвет пробивался сквозь щели штор, но она знала — больше сна не будет.

Одевалась быстро, почти механически — черные джинсы, свободная кофта с высоким воротом, скрывающим следы укусов. В зеркале мелькнуло бледное лицо с горящими глазами — в них не было ни страха, ни сомнений, только хо-

лодная решимость, которая пугала ее больше всего.

Такси до Садовой улицы ехало по пустому городу, где фонари еще не погасли, но уже потеряли свою ночную власть над тенями. Дома здесь стояли старые, с потрескавшейся штукатуркой и балконами, похожими на птичьи клетки, — советское наследие, которое время покрыло патиной забвения. Квартира №14 была на третьем этаже, в подъезде с облупившейся краской и запахом кошачьей мочи, въевшимся в стены.

Вера нажала кнопку звонка.

Тишина.

Она нажала еще раз, уже сильнее, слыша, как где-то внутри раздается резкий звук, но дверь оставалась немой.

— Черт, — прошептала она, и что-то внутри нее зашевелилось — не терпение, а раздражение, горячее и острое, как лезвие.

Кулак обрушился на дверь с силой, которой она не ожидала от себя — удар прозвучал как выстрел, а на дереве осталась вмятина, трещины от которой разбежались, как паутина.

И тут дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина.

Высокий, метр девяносто, с плечами, которые, казалось, заполнили весь дверной проем, широкие, покрытые татуировками, изображавшими какие-то древние символы, полустертые временем. Грудь, обнаженная и покрытая легкой ис-

париной, дышала ровно, несмотря на внезапное пробуждение, а пресс напрягся, когда он провел рукой по лицу, смахивая остатки сна.

Но больше всего Веру поразило его лицо: резкое, скульптурное, с квадратной челюстью, покрытой двухдневной щетиной, и губами, которые даже сейчас, в недовольной гримасе, выглядели неприлично чувственными. Глаза — зеленые, как лесная чаща в сумерках — смотрели на нее с немым вопросом, а между бровей залегла складка, выдававшая скорее любопытство, чем страх.

— Вы вообще знаете, который час? — его голос был низким, хрипловатым от сна, и в нем звучало не раздражение, а усталая ирония.

Вера замерла, внезапно осознав, что забыла, зачем пришла — все ее мысли вдруг спутались.

— Мне… нужны бумаги, — она сглотнула, чувствуя, как во рту пересыхает, но не от страха, а от чего-то другого, более древнего. — Архив Тереховских.

Историк молча сделал шаг назад, приглашая Веру зайти в квартиру. Его зеленые глаза, холодные и изучающие, не отпускали ее ни на секунду, словно он пытался разгадать ее намерения еще до того, как она переступит порог. Вера сделала шаг вперед, ощущая, как густой воздух квартиры обволакивает ее, пропитанный запахом старых книг, воска и чего-то неуловимого, может быть, воспоминаний, а может, просто пыли, осевшей за долгие годы.

Квартира, когда-то принадлежавшая пожилой женщине, сохранила следы прошлого, словно время здесь замедлило свой ход. Обои с мелким цветочным узором, местами потертые у дверных косяков, тяжелые портьеры, пропускающие лишь скупые лучи света, и старомодная мебель с резными ножками — все это говорило о том, что историк не стал перекраивать пространство под себя. Однако в деталях угадывалось отсутствие женской руки: книги, сложенные стопками на полу, а не на полках; кружка с остатками кофе на подоконнике, а не на кухонном столе; легкий беспорядок, который не выглядел неряшливым, но и не стремился к уюту.

Историк провел Веру на кухню, где на стене висел календарь с пожелтевшими листами, застывший на дате десятилетней давности. Он молча поставил чайник на плиту, и звук закипающей воды нарушил тишину, которая казалась почти осязаемой.

— Зачем вам бумаги Тереховских? — спросил он, повернувшись к ней. Его голос, низкий и спокойный, контрастировал с внешностью: полуобнаженное тело, покрытое татуировками, казалось, принадлежало другому миру — миру, где правила не ученость, а грубая сила.

Вера, однако, не могла сосредоточиться на его вопросе. Ее взгляд скользил по его широким плечам, груди, на которой древние символы выглядели как карта неизведанных земель, и прессу, напряженному даже сейчас, когда он просто стоял у плиты.

— Может, сначала оденетесь? — выдохнула она, отводя глаза.

Уголок его губ дрогнул в самодовольной усмешке, словно он ожидал такой реакции.

— Как скажете, — хмыкнул он и, не спеша, направился в комнату, оставив Веру одну на кухне, где даже воздух казался наполненным невысказанными вопросами.

Пока мужчина отсутствовал, Вера позволила себе осмотреться на кухне внимательнее. Ее взгляд скользил по полкам с посудой, задержался на старом буфете с потускневшей фурнитурой, а затем наткнулся на предмет, от которого в груди резко сжалось: на стене, между шкафчиками, висело серебряное распятие.

Она помнила, как в первые дни после укуса случайно схватилась за серебряную цепочку — и кожа на ее ладони покрылась волдырями, будто от раскаленного металла. Теперь, сжимая кулаки, она ощущала лишь холодок тревоги, а не боли.

Сердце бешено колотилось, когда она медленно протянула руку и коснулась распятия. Ожидаемый ожог не пришел. Пальцы сомкнулись вокруг металла — холодного, но не обжигающего. Вера замерла, не понимая, радоваться ли этому или бояться.

— Интересная реакция, — раздался за ее спиной низкий голос.

Она резко обернулась, роняя распятие на стол с глухим

стуком. Историк стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди, и наблюдал за ней с выражением, в котором смешалось любопытство и едва уловимая усмешка. Теперь он был одет: темные джинсы, плотно облегающие бедра, и черная футболка, подчеркивающая рельеф мышц. Казалось, даже в обычной одежде он выглядел так, будто только что сошел со съемочной площадки.

— Я не хотел вас пугать, — сказал он, наконец шагнув вперед и указывая рукой на стол, за которым им предстояло сидеть.

Мужчина разлил чай по кружкам — крепкий, с терпким ароматом, — затем сел напротив нее, откинувшись на спинку стула с непринужденностью человека, который чувствует себя хозяином положения.

— Даниил, — представился он, поднимая кружку.

— Вера, — ответила она, и имя прозвучало как-то слишком обыденно в этой странной обстановке.

Он кивнул, а потом его взгляд скользнул к распятию, лежащему между ними.

— Ну что, — произнес он, и в его голосе появились нотки чего-то, напоминающего вызов, — теперь, когда мы познакомились, может, расскажете, зачем вам архив Тереховских?

Вера сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями, прежде чем начать объяснять.

— Эта квартира раньше принадлежала моей родне, — сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя каждый нерв

в ее теле был напряжен. — Бумаги, которые хранятся здесь, по праву должны быть у меня. Они — часть моей семейной истории.

Даниил слушал, слегка наклонив голову, его зеленые глаза изучали ее с невозмутимым выражением. Он кивнул, как будто принимая ее слова к сведению, но в его взгляде читалась тень сомнения.

— Понимаю, — произнес он наконец, отодвигая кружку с чаем. — Извините, я не поел с утра. Продолжайте, я вас слушаю.

Он встал, подошел к разделочной доске и достал из хлебницы черствый батон. Нож в его руках легко разрезал корку, издавая хрустящий звук. Вера пыталась сосредоточиться на своем рассказе, но ее внимание то и дело переключалось на его движения — широкие плечи, напряженные предплечья, уверенные, почти механические жесты.

— Дело в том, что в этих бумагах могут быть ответы на вопросы, которые…

Ее слова оборвались, когда Даниил взял кусок колбасы и начал нарезать его тонкими ломтиками. Лезвие ножа скользнуло по мясу, но в следующий момент — слишком резко, слишком неожиданно — соскользнуло и вонзилось в его палец.

Кровь выступила мгновенно, алая и яркая, скатившись каплей по его пальцу.

Запах ударил в ноздри Веры, как удар тока. Горячий, ме-

таллический, невыносимо притягательный. В горле пересохло, а в висках застучало — сердце бешено колотилось, будто пытаясь вырваться из груди. Зрение сузилось до одной точки: этой капли, медленно стекающей вниз.

Вера не успела осознать, что делает — её тело взорвалось движением прежде, чем мысль успела оформиться.

Она рванулась вперёд. В глазах стояла кровавая пелена, заглушающая всё, кроме пульсирующей раны на его пальце.

Но Даниил среагировал с пугающей быстротой.

Его ладонь встретила её горло, резко прижав к стене. Вторая рука уже держала маленький флакон — он ловко выдернул пробку зубами и выплеснул содержимое ей в лицо.

Святая вода.

Она ждала боли, шипения кожи, вопля — но ничего не произошло. Капли скатились по её щекам, как обычная вода.

Даниил отпрянул, глаза его расширились в редком проявлении настоящего удивления.

— Кто ты, чёрт возьми? — прошипел он, отбрасывая пустой флакон. — Дампир, что ли? Не встречал таких ещё… Только в книжках читал.

Его взгляд скользнул к её клыкам, к неестественно бледной коже, затем обратно в глаза. В его голосе прозвучало нечто среднее между отвращением и профессиональным интересом.

— Но это же невозможно…

Вера тяжело дышала, всё ещё прижатая к стене. Голод от-

ступал, уступая место холодному стыду. Она попыталась вырваться, но его хватка была железной.

— Отпусти, — хрипло сказала она.

Он не двигался, изучая её, как редкий экспонат.

— Ты даже не знаешь, что ты такое, да? — наконец произнёс он, и в его голосе впервые прозвучало что-то кроме презрения. Почти… жалость.

Даниил медленно разжал пальцы, и Вера отшатнулась, прижимая руку к горлу, где еще чувствовалось жжение от его хватки. Его глаза, холодные и оценивающие, теперь смотрели на нее не просто с настороженностью — в них читалось отвращение, словно перед ним стояло нечто нечистое.

— Кто такие дампиры? — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он скрестил руки на груди, словно создавая между ними невидимую преграду.

— Гибриды. Полукровки. Недостаточно мертвые, чтобы быть вампирами, и недостаточно живые, чтобы оставаться людьми. — Его слова падали, как лезвия. — Обычно они слабее чистокровных, но… устойчивее к святыням. Солнце, серебро, святая вода — всё это вас не добивает, только раздражает.

Вера почувствовала, как что-то внутри нее сжимается. Он говорил о ней, как о монстре, как о вещи, которую нужно изучать, но не как о человеке.

— Я не просила лекцию, — резко сказала она. — Я при-

шла за дневниками Анны Тереховской. Они мои по праву.

Даниил покачал головой, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость — но не к ней, а к самому себе, потому что ему теперь приходится иметь с ней дело.

— Нет. Эти бумаги не просто семейные записки. В них есть вещи, которые нельзя доверять… кому попало. Особенно тому, кто едва контролирует себя.

Его тон был окончательным, как удар топора.

Гнев поднялся в Вере волной, горячей и слепой. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Ты не имеешь права решать, что мне можно, а что нет! — голос ее сорвался, став почти рычанием.

Но Даниил лишь пожал плечами, как будто ее ярость была ему безразлична.

— Уходи, Вера. Пока не сделала чего-то, о чем пожалеешь.

Она замерла на секунду, дрожа от бессилия. Потом резко развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что стекла в окнах задрожали.

На лестничной площадке она остановилась, прижав ладони к лицу. Гнев еще кипел в крови, но под ним уже нарастало что-то другое — пустота, холодная и бездонная.

Глава 12. Новая Вера

Вера шла по улице, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Ярость всё ещё пульсировала в висках, но теперь к ней примешивалось что-то другое — жгучее, горькое. Недостаточно мертвая, недостаточно живая. Слова Даниила звенели в голове, как проклятие.

Она почти не заметила фигуру у подъезда, пока не подошла вплотную. Сигаретный дым ударил в нос, резкий и противный, и только тогда она подняла голову.

Игорь.

Он стоял, прислонившись к стене, в помятой рубашке, которая когда-то стоила половину её зарплаты. Его волосы, некогда аккуратно уложенные, теперь висели жирными прядями, а под глазами залегли синяки от недосыпа или, что более вероятно, очередной пьянки. Он затянулся, выпустил дым ей в лицо и усмехнулся, обнажив желтоватые зубы.

— Ну наконец-то. Где шлялась, а? Я тут уже десять минут торчу, — его голос, хриплый от сигарет и высокомерный от привычки, скользнул по её нервам, как нож по стеклу.

Вера замерла, рассматривая его. Как? — пронеслось в голове. Как я могла позволять этому человеку решать, что мне готовить, что носить, когда молчать? Его взгляд, тяжёлый и владеющий, скользил по её фигуре с видом хозяина, который проверяет, не поцарапали ли его вещь.

— Ты вообще слышишь меня? — он швырнул окурок под ноги, и Вера машинально отпрянула — старая привычка: Игорь ненавидел, когда она «строила из себя недотрогу».

— Что тебе нужно? — её голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

— Принес документы на подпись, — он полез во внутренний карман пиджака, вытащил смятые бумаги и протянул ей. — Ты, как обычно, всё усложняешь. Просто подпиши и не выёживайся.

Вера взяла листы, не глядя. Когда-то его слова заставляли её съёживаться, оправдываться, плакать в подушку. Теперь она смотрела на него и видела просто жалкого человека, который боится потерять последний клочок власти над ней.

— Я посмотрю и отвечу, — она сунула бумаги в сумку.

Игорь фыркнул:

— О, теперь ты юрист? Слушай, хватит уже корчить из себя умную. Ты же без меня и шагу ступить не можешь.

Его рука потянулась к её плечу — привычный жест угрозы. Но Вера отстранилась так резко, что он на секунду замер, брови поползли вверх.

— Не трогай меня, — прошипела она.

— Ты чего, охренела? — он засмеялся.

Вера резко развернулась и шагнула в подъезд, хлопнув дверью перед самым носом Игоря. Но через мгновение дверь с скрипом открылась, и его голос, хриплый и нудный, пополз за ней вверх по лестнице, словно тяжелый дым.

— Чего выпендриваешься? Десять минут жду! Документы подписать надо! — Он пыхтел, отставая на полпролета, его шаги тяжело стучали по бетону. — Ты всегда такая… из-за тебя вечно проблемы! Просто подпиши и все!

Вера шла впереди, не оборачиваясь. Его слова — эти жалкие, заезженные пластинки упреков — теперь казались не просто обидными, а невероятно пошлыми. Как могла она когда-то дрожать от этого? Ее пальцы сжимали ключи так, что металл впивался в кожу, но боль была притупленной, далекой.

Он ввалился в квартиру следом, не дожидаясь приглашения, сразу направившись к кухне, как к своей вотчине.

— Фу, бардак! — провозгласил он, распахивая холодильник. Пустота внутри отразилась в его недовольном взгляде. — Ничего съестного! Как всегда! Хреновая хозяйка! — Он порылся на полках, достал банку с парой вялых огурцов, открутил крышку и сунул палец внутрь, выковыривая один. Рассол капнул на чистый пол.

Вера стояла посреди комнаты, наблюдая. Готическая тень, нависшая над ней после встречи с Даниилом и его словами о дампирах, странным образом сплеталась с этой грязной реальностью быта и унижения. Мистика ее проклятия столкнулась лбами с пошлостью его существования.

— Бумаги, — буркнул он, набивая рот огурцом, одновременно доставая из ее сумки бумаги и снова протягивая в ее сторону смятый конверт. — Подпиши здесь и здесь. Не тяни

резину.

Его взгляд скользнул по комнате, выискивая добычу. Он заметил дорогую зарядку в розетке у телевизора.

— Ага, вот она! — с самодовольным хмыком он выдернул ее. — У тебя же есть та дешевая китайская. Этой мне как раз не хватает. — И сунул в карман пиджака.

Это было последней каплей. Но не ярости. Ярость была холодной, как лезвие.

— Положи. На место, — произнесла Вера тихо, но так, что он замер.

Он обернулся, с презрительной усмешкой на губах.

— Чего? Опять истерика? Слушай, хватит корчить… — Он не договорил. Ее неподвижность, ее взгляд — не испуганный, не злой, а… пустой и бесконечно далекий — смутил его. Старая тактика не сработала.

— Отдашь зарядку и уйдешь. Сейчас, — добавила она.

Его лицо исказилось злобой. Унижение от того, что она его выгоняет, что она не боится, переполнило его. Старый сценарий требовал эскалации. Он сделал шаг к ней, замахнувшись свободной рукой — не для удара в полную силу, а для привычного грубого толчка, чтобы поставить на место, чтобы увидеть страх.

— Да заткнись ты, стерва! — прошипел он, рука его по инерции понеслась к ее плечу.

Но Вера увидела это движение. Не предугадала — увидела. Как будто время чуть замедлилось. Мышцы его руки

напряглись, траектория стала ясной, как линия на чертеже. Всего несколько дней назад этот толчок сбил бы ее с ног, оставив синяк и чувство унижения.

Сейчас она просто подняла руку. Быстро. Невероятно быстро для человеческого глаза. Ее пальцы сомкнулись вокруг его запястья, как стальные тиски, останавливая замах намертво.

Игорь ахнул от неожиданности и боли. Он попытался вырваться, но ее хватка была нечеловеческой. В его глазах мелькнул настоящий испуг, замешательство. Что это? Откуда у нее такая сила?

Прежде чем он успел что-то сообразить, Вера сделала еще одно движение. Ее свободная рука вцепилась ему в воротник рубашки, у шкирки. И потянула. Не со всей силой — лишь с необходимой.

Игорь, потеряв равновесие, заковылял за ней, спотыкаясь, как пьяный. Она не толкала, не била — просто вела его к выходу, как непослушного щенка. Он бормотал что-то невнятное, пытался упираться, но его ноги предательски скользили по полу.

— Эй! Отпусти! Что ты делаешь! — захлебывался он, униженный и растерянный.

Она молча довела его до двери. Открыла ее одной рукой. И вытолкнула — не со злобой, а с холодным, безразличным усилием — на площадку лестничной клетки. Он едва удержался на ногах, шлепнувшись плечом о перила.

— Больше не приходи, — сказала Вера ровным, лишенным эмоций голосом. — Никогда.

И захлопнула дверь. Щелчок замка прозвучал громко, как приговор.

За дверью несколько секунд царила тишина. Потом раздался пинок по металлу, сдавленный вопль ярости и бессилия: «Ты пожалеешь! Слышишь!? Ты мне заплатишь!» Но голос его дрожал. От злобы и от страха перед тем, что он только что почувствовал — перед этой новой, непонятной и пугающей силой, что жила теперь в его бывшей жене.

Вера стояла спиной к двери, глядя на осколки банки на полу, на лужу рассола. Запах уксуса и гниющего огурца смешивался с запахом его дешевого одеколона. Бытовое убожество. И над всем этим — тяжелая тень часовни, зеленые глаза Даниила, полные отвращения, и голод, шепчущий в крови. Контраст был оглушительным. Реальность трещала по швам, и в трещинах проглядывало нечто древнее и ужасное. А она стояла посреди этого хаоса, больше не жертва, но еще не понимающая, кто же она теперь.

Тишина квартиры, нарушенная только капаньем рассола на пол и собственным стуком сердца, казалась вдруг оглушительной. Недостаточно мертвая. Недостаточно живая. Слова Даниила всплыли снова, горькой пеной на поверхности сознания. Она провела рукой по лицу, пытаясь стереть и призрак его отвращения, и ощущение жирных пальцев Игоря на своей коже. Контраст был чудовищным: один считал ее чу-

довищем, другой — вещью. А кто она сама?

Время текло тягуче, как смола. Она машинально начала убирать осколки банки, движения резкие, отрывистые. Рассол впитывался в тряпку, оставляя на полу липкое, вонючее пятно — идеальная метафора ее прежней жизни. Потом она замерла посреди кухни, глядя на свои руки — те самые, что только что с нечеловеческой легкостью вышвырнули взрослого мужчину. В них не было дрожи. Только странная, звенящая пустота.

И вдруг, как удар тока — воспоминание. Встреча. Ева. Клуб «Нирвана». Полночь. Кто-то, кто, возможно, знает, что с ней происходит. Ключ к пониманию, к контролю… или к гибели.

Она рванулась в спальню, к шкафу, откинув створки с такой силой, что они жалобно заскрипели. И застыла. Ряд за рядом висели ее прежние доспехи: мешковатые черные кардиганы, блузки безликого бежевого оттенка, юбки ниже колена из немнущейся, дешевой ткани — весь гардероб женщины, которую годами убеждали, что она не заслуживает внимания, что яркое — это вульгарно, обтягивающее — пошло, а короткое — неприлично. Одежда приспособленца. Одежда жертвы.

— Боже, как же я могла?! — мысль вырвалась наружу с такой яростью, что она чуть не закричала. Гнев, направленный теперь не на Игоря, а на себя прежнюю, на эту серую, смиренную тень, заполнил ее с новой силой. Она схватила

первую попавшуюся унылую блузку и швырнула ее на пол. Потом другую. Третью. Гора безликого тряпья росла у ее ног. Надеть ЭТО туда, где будут такие, как Ева? Это было бы смешно, если б не было так унизительно. Она чувствовала, как новая сила, бродящая в крови, требует иного облачения — не для маскировки, а для заявления.

Отчаянье начало сжимать горло. Деньги. Денег не было. Игорь выкачивал все, что мог, а ее скромная зарплата преподавателя уходила на коммуналку, еду и его вечные прихоти. И тогда, как вспышка в кромешной тьме, пришло воспоминание. Деньги на Турцию.

Скромная пачка купюр, тщательно откладываемая по сто, по двести рублей из продуктовых сбережений. Подарок на годовщину свадьбы. Поездка мечты, о которой он вдохновенно говорил первые годы, а потом лишь презрительно фыркал: «Куда тебе, толстухе, на пляж?». Деньги лежали в глубине нижнего белья, в конверте, заклеенном скотчем, — ее маленький, наивный секрет надежды, который Игорь так и не нашел. Надежды, которая давно умерла.

Вера опустилась на колени перед комодом, лихорадочно раскидывая аккуратные стопки белья. Руки дрожали теперь по-настоящему. Вот он! Плотный конверт. Она разорвала скотч. Купюры — не новые, разного достоинства, но их было достаточно. Достаточно для того, чтобы перестать быть серой мышью.

Мысль о походе по магазинам в одиночестве, в ее нынеш-

нем состоянии — между яростью, голодом и паникой, — казалась кошмаром. Ей нужен был якорь. Нормальность. Кто-то, кто не знает о тьме в ее крови. Она схватила телефон, пальцы летали по экрану. Нашла номер. Дима. Тот самый Дима, с которым была в клубе в ту роковую ночь, до нападения. Друг. Немного ветреный, но надежный. Человек из прежней, понятной жизни.

Он ответил почти сразу, голос сонный, но добродушный:

— Верунь? Чего так рано… эээ, поздно? Что случилось-то?

— Дима, — голос ее звучал резко, с непривычной для него ноткой отчаяния и командных нот. — Срочно вставай. Нужна твоя помощь. Нет, не случилось. Шопинг. Прямо сейчас. У меня… кризис жанра. И денег хватит.

На том конце провода повисла пауза. Потом раздался смешок:

— Шопинг? Сейчас? Вер, ты точно в порядке? — Он явно вспомнил их последнюю встречу, когда она ушла из клуба подавленная и пьяная.

— Не важно. Дима, пожалуйста. Мне… нужно все поменять. Срочно. Кардинально. Поможешь?

Еще одна пауза. Более долгая. Потом решительный вздох:

— Ладно, сумасшедшая. Встречаемся через час у «Галереи»? Только напоминаю, мой вкус — это риск. Готовься к неожиданностям.

— Риск — это как раз то, что мне сейчас нужно, — про-

шептала Вера, глядя на гору скучной одежды на полу и сжимая в руке конверт с деньгами — выкупом за свою новую, пугающую и пока еще непонятую жизнь. До встречи с Евой оставалось всего несколько часов. Она почувствовал легкую дрожь — не от страха, а от странного предвкушения. Идти на охоту, даже если ты пока не знаешь, охотник ты или добыча, нужно в соответствующем обличье. Старая Вера, серая и сломленная, оставалась здесь, в груде тряпья на полу. Новая, та, что чувствовала в себе силу и голод, нуждалась в доспехах. И Дима, ее друг из прошлой жизни, невольно станет оруженосцем на пороге мира, где свет фонарей не рассеивал тьму, а лишь подчеркивал ее глубину. Она взглянула в зеркало — глаза горели слишком ярко, кожа была фарфорово-бледной.

Вера стояла у входа в торговый центр, нервно теребя край своей старомодной блузки. В кармане жгло завернутые в бумагу купюры — те самые, что копились годами на несбыточную мечту о турецком побережье. Теперь они станут оружием против ее же прошлого.

— Ну что, серая мышка, готова к перевоплощению?

Знакомый голос заставил ее обернуться. Дима. Все тот же Дима, с которым они когда-то прогуливали уроки, прячась за гаражами с бутылкой дешевого вина. Время его почти не изменило — все те же ясные голубые глаза, всегда смеющиеся, даже когда не смешно, все та же привычка носить косуху, хоть ему уже за тридцать. Только морщинки у глаз добави-

лись, да серебряная цепочка на запястье — подарок какой-то забытой теперь девушки.

— Ты выглядишь так, будто собралась на казнь, — он щелкнул пальцами перед ее носом. — Расслабься, Верунь. Это же просто шопинг.

Просто шопинг. Для обычных людей — да. Для нее — акт революции.

Он взял ее за руку и потянул за собой, как делал это еще в школе, когда нужно было сбежать от хулиганов или слишком назойливых поклонников. Его пальцы, теплые и шершавые от гитарных струн, сжимали ее ладонь с привычной уверенностью.

— Помнишь, как ты в десятом классе на спор надела мой кожаный пиджак и перекрасилась в рыжий? — Дима хихикнул, протискиваясь между манекенами в первом же магазине. — Тогда весь класс офигел. Особенно Игорь.

Вера сжала губы. Да, помнила. И помнила, как на следующий день смывала краску, потому что Игорь сказал, что она выглядит как проститутка.

— На этот раз я не буду смывать, — сказала она тихо.

Дима повернулся, изучая ее лицо. Его взгляд стал серьезным — редкое для него выражение.

— Вот и правильно, — кивнул он. — Потому что сегодня мы делаем тебя богиней.

Примерочная оказалась слишком маленькой для ее сомнений. Вера вертелась перед зеркалом, не узнавая себя.

Черные кожаные брюки, облегающие, как вторая кожа. Блузка с глубоким вырезом — не вульгарным, но опасно низким, из тончайшего шелка цвета запекшейся крови. И пиджак — не мужской, не женский, а просто идеально сидящий на ее внезапно изменившейся фигуре.

— Охуенно, — Дима присвистнул, когда она вышла. — Теперь только…

Она знала, что он имел в виду.

Салон красоты встретил их звоном ножниц и запахом краски. Вера закрыла глаза, когда парикмахер — девушка с розовыми волосами и пирсингом в носу — собрала ее волосы в хвост.

— Режем?

— Режьте, — прошептала Вера.

Первый щелчок ножниц прозвучал, как выстрел.

Уличные фонари зажигались, когда они вышли. Вера подняла руку к новой стрижке — каскад острых прядей, едва касающихся подбородка, медь с отблеском золота.

— Ну что, — Дима закурил, прикрывая ладонью пламя зажигалки. — Теперь ты выглядишь так, будто готова завалить всех.

Вера потрогала кончики волос.

— Я готова.

Он ухмыльнулся, выпуская дым кольцами.

— Тогда удачи, подруга…

И она пошла — не оглядываясь, не сомневаясь, чувствуя,

как новая одежда, новая прическа, новое «я» сливаются в одно целое. Впереди была тьма. Но теперь она знала — в этой тьме есть и ее место.

Глава 13. Нирвана

Дверь в «Нирвану» была неприметной, черное дерево без вывески, зажатое между яркими витринами. Только слабый отсвет неоновой вывески соседнего магазина выхватывал из тьмы стилизованную букву «N», выгравированную у самого косяка. Вера вжала плечи в холодную кожу нового пиджака, ощущая, как под тканью блузки пульсирует странная смесь голода и адреналина. До полуночи оставалось пять минут. Она толкнула дверь.

Внутри ее ударил какофонический вал звука — бас, бивший в грудину, электронные визги, сливающиеся с гулким гомоном голосов. Воздух был густым, пропитанным запахом дорогого табака, алкоголя, духов с тяжелыми амбровыми нотами и… чем-то еще. Медным, сладковатым, едва уловимым, но заставляющим ноздри трепетать. Кровь. Голод внутри нее рванулся навстречу запаху, как зверь на цепь. Вера стиснула зубы, заставив себя сделать шаг вперед.

Бар тянулся вдоль дальней стены, подсвеченный синевой неоновых трубок. За ним суетился бармен — высокий, с безупречной осанкой и лицом, будто выточенным из мрамора. Его глаза, холодные и оценивающие, скользнули по Вере, задержавшись на новой стрижке, на вырезе блузки, на чем-то неуловимом в самой ее ауре. Она подошла, чувствуя, как ее новообретенная уверенность дрожит под этим взглядом.

— «Кровавая Мэри», — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Двойная.

Бармен не шевельнулся. Его взгляд стал еще пронзительнее, изучающим. Казалось, он видел не только ее новую кожу, но и старую, серую, и ту тьму, что клокотала под ней. Потом уголок его губ дрогнул в едва уловимом подобии улыбки или презрения.

— Для гостя Евы, — не вопрос, а утверждение. Он кивнул куда-то вглубь зала, туда, где полумрак сгущался до непроницаемости. — Следуйте за мной.

Он вышел из-за стойки с кошачьей грацией. Его движения были бесшумными, плавными, неестественно совершенными. Вера последовала, пробираясь сквозь толпу. Люди вокруг казались… другими. Слишком яркими, слишком отточенными. Девушки с безупречным макияжем и нарядами, обтягивающими тела, будто вторая кожа, парни с резкими чертами лиц и хищным блеском в глазах. Все они излучали ауру избранности, холодного, опасного магнетизма. Вера чувствовала себя провинциалкой, забредшей на закрытую вечеринку богов. Ее дух действительно захватило — не только от красоты, но и от осознания, что она среди них. Или почти среди.

Бармен остановился у неприметной двери, обитой черным бархатом. На нем не было ни ручки, ни глазка. Он приложил ладонь к определенному месту на стене рядом — раздался тихий щелчок, и дверь бесшумно отъехала в сторону.

Оттуда хлынул поток теплого воздуха, насыщенного ароматами дорогого коньяка, выдержанного дерева и все того же сладковато-медного шлейфа, но здесь он был гуще, реальнее. Музыка снаружи превратилась в приглушенный рокот.

— Вас ждут, — произнес бармен, сделав жест внутрь. Его взгляд снова скользнул по Вере, на сей раз с оттенком… любопытства? Предвкушения? Она переступила порог.

Вип-комната. Полумрак, смягченный светом нескольких бра с абажурами из темно-красного стекла. Глубокие кожаные диваны, низкий стол из черного дерева, на котором стояли хрустальные графины с рубиновой жидкостью и бокалы. И они. Их было человек шесть-семь. Мужчины и женщины. Они выглядели как ожившие обложки глянцевых журналов — безупречные черты, идеальная кожа, сияющая даже в этом свете, дорогая, безукоризненно сидящая одежда. Их красота была нечеловеческой, отточенной до совершенства и лишенной тепла. Глаза — синие, зеленые, карие — светились холодным внутренним огнем, когда они повернулись к входящей. В воздухе повисло молчание, тяжелое и оценивающее. Вера почувствовала, как ее новая кожаная броня внезапно кажется тонкой и ненадежной. Каждый взгляд был как прикосновение, сканирующее, изучающее ее суть. Она уловила легкие движения ноздрей — они нюхали ее. Напряжение сгущалось.

— Вера! Наконец-то!

Ева отделилась от группы у дивана, как яркая бабочка,

выпорхнувшая из тени. Она была в облегающем платье цвета воронова крыла, оттенявшего ее платиновые волосы и ледяную голубизну глаз. На губах — та самая вызывающая помада, алая, как свежая рана. Ее улыбка была ослепительной, но не согревающей. Она стремительно подошла, взяла Веру за руки и слегка потянула к центру комнаты.

— Какая ты потрясающая! — воскликнула Ева, ее голос звенел, как хрустальный колокольчик, но в нем слышалась искусственность, как в слишком сладком вине. — Все смотрите! Я же говорила! Настоящее преображение! Из серой мышки — в настоящую богиню ночи! — Она обвела рукой присутствующих, представляя Веру. — Друзья, это Вера. Тот самый… свежий ветер, о котором я вам рассказывала.

Взгляды вампиров смягчились, но не потеплели. Кто-то кивнул, кто-то удостоил едва заметной улыбки, полной снисходительного любопытства. Один из мужчин, высокий брюнет с пронзительными серыми глазами, медленно, как бы нехотя, поднял бокал в ее сторону.

— Очаровательно, — произнес он голосом, похожим на шуршание бархата.

Ева, не отпуская рук Веры, повела ее к свободному дивану.

— Садись, садись, родная. Расслабься. Ты прекрасно выглядишь, честно. — Она усадила Веру и ловким движением поймала взгляд одного из присутствующих. — Лео, будь душой, налей Вере чего-нибудь… возбуждающего аппетит.

Амарону, пожалуйста. Старый добрый Амарон.

Мужчина (Лео?) с грацией пантеры поднялся, подошел к столу и налил из темной бутылки в хрустальный бокал густую, почти черную жидкость. Поднес Вере. Она взяла бокал, почувствовав холод стекла и странную вибрацию, исходившую от напитка. Запах был терпким, сложным, с нотами специй и… железа? Голод внутри снова кольнул.

— Спасибо, — прошептала Вера, делая вид, что пригубливает. Напиток обжег язык непривычной горечью, но не вызвал ни малейшего опьянения. Просто жидкость. Ева же смотрела на нее с ожиданием.

— Ну как? — спросила она, подчеркнуто игнорируя неловкость Веры. — Правда же волшебное место? Наши люди, наша атмосфера. — Она обвела комнату жестом. — Все свои. Ты можешь здесь быть… собой. Совершенно свободно.

Ева говорила слишком громко, слишком весело, слишком старательно. Она ловила Веру за локоть, смеялась ее еще не сказанным шуткам, комментировала ее новую прическу и наряд, обращаясь то к одному, то к другому из сидящих, как бы ища их одобрения. «Видишь, Марго, я же говорила, у нее потрясающий вкус!», «Алекс, ну разве не огонь этот цвет волос? Совсем другая стала!».

Вера сидела, держа нетронутый бокал, и чувствовала, как ее охватывает странное, дурманящее чувство. Значимость. Принятие. Она была в самом сердце этого глянцевого, опасного мира, и Ева, эта ослепительная вампирша, явно ставила

ее в центр внимания. Лесть лилась рекой, смех Евы звучал, как музыка, а восхищенные (или просто вежливые?) взгляды красивых незнакомцев грели ее новую, хрупкую самооценку. Она была здесь не серой мышью, не жалкой, а… желанной гостьей. Почти своей. Впервые в жизни она «тусила» с такими — сильными, прекрасными, бессмертными. Опьянение от этого было сильнее любого Амарона.

— Кое-кто очень хочет с тобой поговорить, Вера, — вдруг сказала Ева, наклоняясь к ней так близко, что Вера почувствовала ледяное дыхание и уловила тончайший аромат дорогих духов, смешанный с чем-то металлическим. В глазах Евы мелькнуло что-то неуловимое — предупреждение? Нетерпение? — Но он немного задержался. Дела. — Ева сделала легкий, небрежный жест рукой, будто отмахиваясь от несущественной детали. — Пока ждем… давай просто насладимся моментом? Расскажи, как ты нашла в себе силы на такую… радикальную смену имиджа? Это же просто безумно смело!

Ева улыбалась, подталкивая Веру к разговору, наполняя паузу лестью и вниманием, стараясь изо всех сил, чтобы Вере нравилось. Чтобы она чувствовала себя звездой. Чтобы забыла, кого и зачем она здесь ждет. И Вера, убаюканная этим вниманием, опьяненная своей новой значимостью в этом новом, ослепительном мире, начала рассказывать. О Диме. О шоппинге. О старых кардиганах, выброшенных на пол. Голос ее звучал все увереннее, смех — естественнее. Голод и

тревога отступили на второй план, придавленные тяжестью этого неожиданного, головокружительного признания.

Она была здесь. Она была принята. Она была замечена. И пока Ева ловила каждое ее слово, а красивые незнакомцы снисходительно улыбались, Вера позволяла себе верить, что, возможно, нашла наконец то место во тьме, которое искала. Хотя где-то в глубине, под слоем лести и эйфории, холодной змейкой извивалось предчувствие: ожидание только начинается, и этот «кое-кто» может перевернуть эту картинную идиллию в мгновение ока.

Легкая эйфория, наведенная лестью Евы и вниманием, еще витала вокруг Веры, как дымка дорогих духов. Она смеялась над какой-то своей же историей про Диму и его рискованный вкус, а Ева подыгрывала, блестя глазами и подливая ей в бокал еще порцию того странного, горького Амарона, который Вера лишь пригубливала. Красивые незнакомцы на диванах перешептывались, их холодные взгляды скользили по ней с ленивым любопытством хищников, наблюдающих за новичком в вольере. Все было… почти хорошо. Почти естественно. Почти безопасно.

И вдруг — тишина.

Она не наступила мгновенно. Сначала оборвался смех Евы. Потом замерли голоса у дальнего дивана. Затем стих последний шепот. Музыка снаружи все еще бубнила приглушенно, но здесь, в вип-комнате, воцарилась мертвая тишина, тяжелая и звенящая, как натянутая струна. Воздух сгустил-

ся, стал вязким, пропитанным внезапным напряжением. Даже свет от бра с кровавыми абажурами казался приглушенным, отбрасывая более глубокие, зловещие тени.

Дверь из черного бархата, которая до сих пор была лишь темным пятном в стене, бесшумно отъехала в сторону.

В проеме стоял мужчина.

Высокий. Очень высокий. Черные, как смоль, волосы были небрежно собраны на затылке в низкий пучок, оставляя открытым лицо с резкими, словно высеченными из гранита чертами. Скулы, подбородок, линия бровей — все было подчеркнуто жестко, бескомпромиссно. Он был одет просто, но дорого — черная водолазка из тончайшей шерсти, облегавшая мощный торс, черные же брюки. Никаких украшений. Только власть. Она исходила от него волнами, почти осязаемыми, давящими на грудь.

Он сделал шаг внутрь, и Вера почувствовала, как все ее существо сжалось в комок первобытного страха. Ее новообретенная уверенность испарилась, как капля воды на раскаленной сковороде. Голод внутри замер, притих, словно зверь, почуявший более крупного хищника. Она сидела, вцепившись в край кожаного дивана, не в силах пошевелиться, не в силах оторвать взгляд. Она была мышью, завороженной взглядом удава.

Мужчина медленно провел кончиком большого пальца по уголку своих губ. Палец вернулся смазанным темной, почти черной в этом свете жидкостью. Кровь. Свежая. Он небреж-

но вытер палец о ткань брюк, не сводя глаз с Веры. Его взгляд… Это был не холодный, оценивающий взгляд других вампиров. Это был взгляд хищника, который нашел именно ту добычу, которую искал. Глубокий, пронзительный, невероятно старый и невероятно голодный. В нем не было ни любопытства, ни снисхождения — только чистый, неразбавленный интерес охотника. Вера почувствовала, как ее сердце забилось с такой силой, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Ей не хватало воздуха. Она была поймана в капкан этим одним взглядом.

Он двинулся к ней. Его шаги были бесшумными, но каждый из них отдавался в ее висках тяжелым ударом. Красивые вампиры на диванах замерли, как статуи, их позы выражали не страх, но глубочайшее почтение и готовность к мгновенному повиновению. Ева слегка отодвинулась от Веры, ее ослепительная улыбка сменилась выражением сосредоточенной серьезности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.